

УДК: 398.21/22 (=951.1) (574/575)

На правах рукописи

ШИСЫР ИСХАР СУВАЗОВИЧ

Прозаический фольклор хуэйцзу Центральной Азии

10.01.09 – Фольклористика

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

**Республика Казахстан
Алматы, 2010**

Работа выполнена в Центре дунгановедения и китаистики Института истории и культурного наследия НАН Кыргызской Республики

Научные консультанты:

академик НАН КР,
доктор филологических наук,
профессор **Акматалиев А.А.**

член-корреспондент НАН КР,
доктор филологических наук,
профессор **Имазов М.Х.**

Официальные оппоненты:

доктор филологических наук,
профессор **Саттаров К.К.**

доктор филологических наук
Бузаубагарова К.С.

доктор филологических наук
Абсадыков А.А.

Ведущая организация:

Карагандинский университет
«Болашақ»

Защита диссертации состоится 15 декабря 2010 года в 15.00 часов на заседании Диссертационного совета Д. 53.34.01 по защите докторских диссертаций при Институте литературы и искусства им. М.О. Ауэзова Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан по адресу: 050010, г. Алматы, ул. М. Тулебаева, 185, (конференц-зал «Дом-музея М.О. Ауэзова»).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан по адресу: 050010, г. Алматы, ул. Т. Шевченко, 28.

Автореферат разослан 15 ноября 2010 г.

Вр. исполняющая обязанности
ученого секретаря
Диссертационного совета
доктор филологических наук, профессор

А.С. Исмакова

ВВЕДЕНИЕ

Общая характеристика работы. Хуэйцзу (самоназвание дунганского народа) проживают в Центральной Азии с конца XIX в., куда они переселились после поражения антицинского восстания населения Северо-Западного Китая в 1877–1883 гг. В результате подавления известного мусульманского восстания казахов, кыргызов, саларов, уйгуров, хуэйцзу и других народов цинской армией повстанцы вынуждены были просить политического убежища у соседнего государства. В самые холодные дни зимы 1877 г. хуэйцзу тремя группами (первую возглавил Юсуп-хазрет, вторую – Бай Яньху, третью – Ма-Дажэнь) вступили в пределы Российской империи.

Сегодня в Центральной Азии насчитывается свыше 100 тыс. хуэйцзу, при этом в Республике Казахстан они проживают в селах Сортобе, Масанчи, Булар-Батыр, Ааухатты (Курдайский район), Заря (Каскеленский район), Жалпак-Тюбе (Джамбулский район); в Кыргызской Республике – в селах Александровка (Московский район), Милянфан, Кен-Булун (Иссык-Атинский район), Ирдык (Жеты-Огузский район), Кызыл-Шарк (Кара-Сууйский район); в Республике Узбекистан – в селе Тунган-Махаля (Урта-Чирчикский) и др.

Хуэйцзу принесли на новую родину традиционную духовную культуру, и, естественно, свой фольклор, отражающий их философию, моральные нормы и эстетические принципы. Фольклор на протяжении веков считался народной летописной сокровищницей, из которой хуэйцзу во все времена черпали силы. Этот неиссякаемый источник в закодированном виде сохраняет коллективную память этноса.

Фольклор хуэйцзу Центральной Азии – составная часть устного творчества народа, которое формировалось на протяжении многих столетий в пределах Китая. Его компоненты складывались на основе культурного наследия различных народов (арабов, тюрков, персов, китайцев, тангутов и др.), сыгравших определенную роль в формировании этноса хуэйцзу. Именно потому фольклор хуэйцзу представляет собой результат сложной трансформации различных национальных философских, моральных, эстетических взглядов на окружающий мир.

В фольклоре хуэйцзу Центральной Азии много общего с фольклорными традициями китайцев, японцев, корейцев и других народов Дальнего Востока, что обусловлено в одних случаях генетическим родством, в других – идентичностью исторической, социальной и экономической жизни народов этого региона. Все это позволяет говорить о наличии общего фольклорного фонда народов Дальнего Востока, который, наряду с общими важнейшими чертами, у каждого народа имеет специфическое национальное оформление.

Наличие тюркских традиций в фольклоре хуэйцзу Центральной Азии внесло существенные изменения в его художественную систему. Процессы интеграции духовной культуры всех народов Центральной Азии на основе единого регионального пространства не могли не найти своего выражения в ряде идейных, эстетических и формальных элементов народного поэтического творчества. Фольклор всегда находится в состоянии непрерывного движения и

активного творческого поиска. Его нельзя рассматривать как нечто неизменное, раз и навсегда данное, даже тогда, когда речь идет о классическом наследии. Сущность подлинных народных художественных произведений никогда не сводится к отражению только событий и характеров только одной определенной эпохи. Содержание таких произведений намного шире, значительнее и объемнее. Они всегда встречают живой отклик и в другие эпохи, так или иначе соотносятся со временем, в какое продолжают бытовать в народной памяти.

Актуальность темы диссертационного исследования. Новые условия жизни, тесный трудовой контакт и постоянный культурный обмен с казахами, кыргызами, узбеками, уйгурами и другими народами региона оказали заметное воздействие на дальнейшее развитие фольклора хуэйцзу, обогащая его новыми оригинальными произведениями, темами, идеями, образами, изобразительными средствами, психологическими приемами отображения реальной действительности.

Сегодня фольклор хуэйцзу Центральной Азии, несмотря на сохранение традиционных форм, предстает в несколько изменённом виде. По существу, изучая фольклор хуэйцзу Центральной Азии, мы имеем дело с творчеством этнической группы, которая в силу исторических обстоятельств получила самостоятельное развитие, но продолжает оставаться составной частью народа хуэйцзу.

Естественно, характеристика фольклора хуэйцзу в целом была бы неполной и значительно обедненной, если бы из него исчезли художественные реалии хуэйцзу Центральной Азии. В них отразились и своеобразие исторической судьбы этой этнической группы, и психология быта, а вместе с тем и доминанты общей внутренней целостности, устойчивости и наглядности основных отличительных культурных и художественных признаков всего народа.

Данная работа является первым монографическим исследованием, посвященным системно-целостному изучению фольклора хуэйцзу Центральной Азии как элемента общего поэтического народного наследия народа. Определение как общего, так и самобытного в фольклоре хуэйцзу, живущих в КНР, Индонезии, Малайзии, Республике Казахстан, Кыргызской Республике и других странах, поможет глубже понять национальный фольклор в целом и выявить специфику локальных фольклорных вариаций каждой отдельной этнической группы, поскольку народное творчество является важным источником для изучения интерэтнических связей внутри одного народа [1, с. 204].

Степень разработанности проблемы. До последнего времени фольклор хуэйцзу Центральной Азии практически не был объектом научного исследования, поскольку фольклористы в основном ограничивались сбором, обработкой и публикацией самих материалов. Авторы отдельных научных изысканий в виде диссертационных исследований (М.А. Хасанов “Дунганские народные сказки” [2], Д.М. Хахаза “Традиционные дунганские песни” [3], Ф.Н. Машинхаева “Своеобразие дунганской народной сказки о животных”) [4], представляющих научный интерес, не ставили задачи осветить общие свойства поэтического народного творчества.

В связи с этим для фольклористов актуальной является задача – научное исследование самобытного фольклора хуэйцзу Центральной Азии, так как в

настоящее время мы практически имеем лишь собранные ценные материалы национального духовного наследия народа, которое еще ждет систематического, тщательного изучения с использованием передовой методологии современной фольклористики. Чрезвычайно важно, в частности, выявить все существующие жанры в фольклоре хуэйцзу Центральной Азии. Классификация этих жанров поможет разрешить ряд вопросов из области фольклористики хуэйцзу.

Объект исследования. В диссертации исследуются малоизученные фольклористами произведения прозаического словесного народного творчества хуэйцзу Центральной Азии, которые считаются многочисленными по объему существующего материала. Не случайно две трети зафиксированных, систематизированных и опубликованных материалов представляет собой тексты этого вида национального фольклора. М.А. Хасанов и И.И. Юсупов в статье “Художественный мир дунганской сказки” упоминали, что двести сказок, легенд, преданий записано за последние 40 лет от среднеазиатских дунган [5, С. 10-11]. При проведении данного исследования было зафиксировано уже более 300 сюжетов произведений прозаического фольклора.

Цель и задачи исследования. В диссертационном исследовании предполагается конкретизировать сюжетно-тематическое содержание прозаического фольклора хуэйцзу Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана как исторически сложившейся художественной системы, в которой различные произведения находятся в сложном взаимодействии, взаимовлиянии и взаимообогащении. Эта связь обуславливается единой для них системой многостороннего воспроизведения действительности, причем функции отдельных сюжетов определяются таким образом, что каждое произведение имеет свою задачу в изображении предмета.

Правильное понимание единой системы сюжетно-тематического содержания требует определения конкретной структуры и специфики каждого отдельного жанра в составе прозаического фольклора. Без определения самих жанров, внутрижанровых звеньев, внутризвеньевых групп и т.д. невозможно представить себе сложный процесс разграничения, сближения и взаимодействия в прозаическом фольклоре. Такое понимание природы прозаического фольклора невольно подводит к вопросу классификации.

В диссертации поставлены и решены следующие задачи:

- Систематизировать и дифференцировать повествовательно-эстетический прозаический фольклор; выделить в нем самостоятельные жанровые единицы, для которых характерно доминирование эстетической функции.

- Расклассифицировать информационно-мнемонический фольклор на жанры, в которых независимо от дидактического, патриотического и т.д. характера рассказа приоритет имеет общая доминантная функция мнемонического значения с претензией на достоверность информации.

- В процессе исследования структурного строения прозаического фольклора хуэйцзу дифференцировать зафиксированные материалы в каждом отдельном жанре на сюжетно-тематические подразделы (волшебные сказки – героические сказки “змееборческого” типа, героические сказки типа “поиск сча-

стья”, архаические сказки типа “дети у людоеда”, сказки о контактах с духами, сказки о невинно-гонимых, сказки о чудесных женах, сказки о чудесных предметах и т.д.), в случае необходимости и на самостоятельные разрядные звенья.

- Выявить типологически общее и особенное данных жанров фольклора хуэйцзу; дать общую характеристику жанровых особенностей их.

- Описать художественно-изобразительные средства изучаемых жанровых образований, рассмотреть художественные особенности их.

В данной работе прозаический фольклор хуэйцзу Центральной Азии рассматривается с учетом его структурного строения: жанровых родов – жанров – сюжетно-тематических разрядов – сюжетно-разрядных звеньев – сюжетов. Такой принцип исследования позволит наиболее продуктивно изучить в целом содержание прозаического фольклора. Содержание и форма фольклора хуэйцзу являются переходящими друг в друга материальными категориями духовного богатства. Изучение содержания автоматически подразумевает исследование структуры прозаического фольклора хуэйцзу Центральной Азии.

Источником для исследования послужили различные тематические сборники, периодические издания, материалы рукописного фонда Центра Манасоведения и художественной культуры, Центра дунгановедения и китаистики НАН Кыргызской Республики, а также полевые записи автора, проведенные в Республике Казахстан, Кыргызской Республике, Республике Узбекистан и Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР.

Методология научного исследования обусловлена его содержанием и логикой научного анализа поставленных проблем. Использовались комплексный и системный подходы, метод сюжетно-тематической систематизации материала, сопоставительно-типологический и сравнительно-исторический метод, метод хронологической аналогии. При определении сюжетно-тематического содержания и структуры прозаического фольклора хуэйцзу Центральной Азии использованы труды зарубежных исследователей А.А. Аарне, А. Греймаса, Ли Шуцзяня, Н. Рошияну, Ст. Томпсона, В. Эберхарда; российских ученых Н.П. Андреева, В.П. Аникина, Е.М. Мелетинского, Э.В. Померанцевой, В.Я. Проппа, К.В. Чистова; центральноазиатских ученых М.О. Ауэзова, С.А. Каскабасова, Е.Д. Турсунова, Б.У. Азибаевой, Г.А. Джалалова, К.М. Максетова, и др.

Научная новизна результатов. В диссертации впервые в системном контексте с учетом опыта ведущих специалистов мировой фольклористики анализируются сюжеты прозаического фольклора хуэйцзу Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана. Автором диссертации выявлены сюжетно-тематические доминанты прозаического фольклора хуэйцзу Центральной Азии, изучены структурные особенности, дана тематическая классификация жанров, определены художественные особенности, уточнено позитивное значение его для национальной культуры, заложены основы для дальнейшего изучения актуальных проблем фольклористики.

Теоретическая значимость работы. Локальные особенности рассматриваемого устного народного творчества, выявленные в процессе научного исследования, помогут выделить общее и особенное в фольклоре хуэйцзу

КНР, Индонезии, Малайзии, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Узбекистан. Таким образом, предоставляется возможность уяснить не только специфику устного народного творчества отдельных групп данного этноса, но и в целом национальной культуры.

Полученные в процессе изучения прозаического фольклора хуэйцзу Центральной Азии выводы имеют также положительное значение для центральноазиатской фольклористики. Прозаический фольклор хуэйцзу Центральной Азии, получив развитие в течение последних полутора веков на территории Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана, считается составной частью фольклорного фонда народов центральноазиатского региона. Следовательно, результаты нашего исследования помогут восполнить пробелы в изучении общих характеристик фольклора народов Центральной Азии.

Практическая значимость работы. Полученные в процессе нашего исследования результаты важны для общей фольклористики хуэйцзу КНР, Индонезии, Малайзии, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Узбекистан. Они содействуют унификации и научной систематизации материалов фольклорных архивов и способствуют выработке единых принципов классификации устных произведений. В сводах народного творчества, учебниках, учебных пособиях необходимо преподнести читателям духовное наследие народа в научной форме.

Сделанные автором выводы в том числе полезны для общей фольклористики Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана. Достигнутые результаты послужат основой составления фольклорного атласа, энциклопедии и учебников по изучению общей культуры народов центральноазиатского региона. В этом случае предоставляется реальная возможность получить наиболее полное представление о фольклоре народов Центральной Азии.

На защиту выносятся следующие основные положения:

- Прозаический фольклор хуэйцзу Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана обладает достаточно выраженным своеобразием, что обусловлено его возникновением в процессе трансформации фольклорного наследия многих народов, принявших участие в консолидации хуэйцзу как самостоятельного этноса.

- Прозаический фольклор хуэйцзу Центральной Азии как составная часть общего национального словесного народного творчества сложился в процессе активного взаимодействия фольклора народов, сыгравших определенную роль в формировании этнического самосознания хуэйцзу под главенствующим влиянием исламской религии. Вследствие этого в нем отчетливо обнаруживается влияние фольклора арабов, персов и тюркских народов.

- В содержании прозаического фольклора хуэйцзу Центральной Азии много общего с сопредельными фольклорными традициями народов Северо-Западного Китая, что обусловлено сходством исторических, социально-экономических и культурных факторов проживания в одном регионе на протяжении ряда веков. Все это позволяет определить фольклор хуэйцзу как часть фольклорного фонда народов Северо-Западного Китая, который при наличии региональных общих черт получил свое специфическое национальное оформление.

- Прозаический фольклор хуэйцзу в процессе развития в Центральной Азии претерпел изменения. Новые условия жизни в атмосфере тесного трудового контакта при постоянном культурном обмене с соседями по религии – казахами, кыргызами, узбеками и др. – оказали значительное воздействие на его дальнейшее развитие, отразившееся в сюжетном репертуаре, трактовке отдельных образов, социальной остроте изображения действительности, использовании изобразительных выразительных средств и т.д.

- В результате прозаический фольклор хуэйцзу Центральной Азии приобрел новые черты. По существу, мы уже имеем дело с фольклором отдельной этнической группы хуэйцзу, имеющей свою локальную территорию проживания, особенности социальной психологии, некоторое своеобразие материальной культуры.

- Прозаический фольклор хуэйцзу Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана в основе остается частью словесной художественной традиции всего хуэйцзу. Общая внутренняя целостность, устойчивость, стабильность, основных дифференцирующих этнических признаков народа считается неизменной на протяжении долгого исторического периода.

- Следовательно, можно считать прозаический фольклор хуэйцзу Центральной Азии отдельной ветвью единого ствола словесного народного творчества хуэйцзу КНР, Индонезии, Малайзии, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Узбекистан, которая как частное в общем позволяет глубже понять национальный фольклор.

- Прозаический фольклор хуэйцзу Центральной Азии, сложившийся в неординарных условиях и развивавшийся долгое время в Китае, пополняет фольклорную художественную систему народов Центральной Азии особенностями, выраженными в жанровом своеобразии, неординарных образах, оригинальных сюжетах, свежих изобразительно-выразительных средствах, нестандартных психологических отображениях действительности и т.д.

Личный вклад соискателя – участие в программе Центра дунгановедения и китаистики по сбору материалов фольклора хуэйцзу в селениях Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Республики Узбекистан (1980–1985 гг.) Собранные по прозаическому фольклору материалы вошли в таблицу сюжетов диссертационного исследования.

Апробация результатов диссертации. Основные положения исследования нашли отражение в монографии, сорока пяти статьях в различных специализированных научных журналах и сборниках, трех учебных пособиях, энциклопедии, а также в докладах и сообщениях на международных научных конференциях в гг. Алматы, Бишкек, Москва, Пекин, Иньчуань.

Структура диссертации. Реферируемая диссертационная работа состоит из введения, трех разделов, заключения и списка использованных источников. Объем работы составляет 296 страниц.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Во введении обоснована актуальность проблемы, освещена степень изученности фольклора хуэйцзу Центральной Азии, конкретизированы цель и

задачи работы, обозначены теоретическая и практическая значимость исследования, определены методологические основы диссертации, уточнены основные положения работы, установлена научная новизна изыскания.

В первом разделе **“Место прозаического фольклора в устном творчестве хуэйского народа”** обоснована необходимость решения следующих проблем: во-первых, определение условий бытования материала в живой устной народной традиции, во-вторых, установление количества зафиксированных фольклорных реалий и истории их собирания, в-третьих, выявление степени изученности, в-четвертых, уточнение методов решения существующей проблемы.

Данный раздел исследования посвящен бытованию, собиранию и изучению прозаического фольклора хуэйцу Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана как составной части фольклористики. Отчетливое представление об этапах развития фольклорной науки хуэйцу позволит определить основные аспекты представленного исследования и приступить к анализу сюжетов прозаического фольклора хуэйцу.

В данном разделе диссертационного исследования отражено общее состояние прозаического фольклора хуэйцу Центральной Азии. Он состоит из четырех взаимообусловленных, взаимозависимых и взаимовлияющих подразделов: **“Устная народная традиция”**, **“Процесс накопления материала для научной разработки”**, **“Степень изученности собранного материала”**, **“Методы решения обозначенной проблемы”**.

1.1 В подразделе **“Устная народная традиция”** предложена информация о **“шошуди”** (**“рассказчиков повествовательных произведений”**). До середины XX века многие деревни хуэйцу Центральной Азии славились сказителями. Из поколения в поколение они передавали те сокровенные знания, которые задолго до этого привезли с земли предков их соплеменники, сохраняя их как самое ценное достояние народа. В процессе исполнения произведений рассказчики постоянно шлифовали свое мастерство, оттачивали технику передачи информации, устанавливали традицию исполнения сюжетов, создавая в результате школы сказочников. В Кыргызстане, Узбекистане и Казахстане проживали династии превосходных сказочников.

1.2 В подразделе **“Процесс накопления материала для научной разработки”** названы имена собирателей фольклорных произведений хуэйцу Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана. Предпосылки для формирования науки, изучающей фольклор хуэйцу Центральной Азии, возникли в конце XIX – начале XX века. В то время европейские востоковеды ставили целью познакомить соотечественников с необычной культурой Востока. Информационно-мнемонические произведения хуэйцу тогда впервые привлекли внимание специалистов. Многие ученые прекрасно понимали, что историю народов, не имеющих письменности, можно осветить только при внимательном отношении к фольклору.

Однако систематический сбор материала прозаического фольклора хуэйцу Центральной Азии стал проводиться с организацией Сектора дунгановедения (ныне Центр дунгановедения и китаистики) НАН Кыргызской Республики с середины XX века. Фольклористы Х.Ю. Юсуров, Б.Л. Рифтин,

М.А. Хасанов, И.И. Юсупов, Ю.Я. Яншансин, Ю. Цунваза и др. на протяжении длительного времени работали в полевых экспедициях в селах Кыргызстана, Казахстана и Узбекистана. Тесные контакты со знаменитыми сказочниками принесли положительные плоды – ценнейшие материалы устной духовной культуры хуэйцзу были сохранены в виде записей. Многие из них вошли в отдельные книги.

1.3 Подраздел “Степень изученности собранного материала” посвящен вопросу изучения прозаического фольклора хуэйцзу Центральной Азии. До настоящего времени лишь отдельные авторы научных трудов занимались серьезным изучением и анализом собранных фольклорных сюжетов хуэйского народа (И.И. Юсупов, Б.Л. Рифтин, М.А. Хасанов, Ф.Н. Машинхаева).

Автором настоящей работы тщательно проанализированы известные научные труды. Прозаические жанры фольклора хуэйцзу Центральной Азии, несмотря на достаточное количество зафиксированных, опубликованных, систематизированных текстов, в должной мере все-таки не были изучены. Сегодня перед фольклористами стоят прежние задачи научного исследования самобытного прозаического фольклора хуэйцзу с использованием современной методологии.

1.4 В подразделе “Методы решения обозначенной проблемы” определены аспекты дальнейшего изучения прозаического фольклора хуэйцзу Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана. Жанры прозаического фольклора развиваются в сложном процессе взаимовлияния, взаимообогащения, приспособления друг к другу. Следовательно, эффективно раскрыть их особенности можно только при условии анализа реалий многоплановой взаимосвязи. Исследование жанров в целостной системе дает возможность более глубоко изучить основополагающие проблемы прозаического фольклора. При таком понимании природы прозаического фольклора, естественно, возникает вопрос классификации жанров. Без четкой систематизации внутрижанровых звеньев, внутризвеньевых групп сложно представить процесс разграничения, сближения и взаимодействия элементов прозаического фольклора.

В данной работе мы рассматриваем прозаический фольклор хуэйцзу Центральной Азии с учетом его структурного строения: жанровых родов – жанров – сюжетно-тематических разрядов – сюжетно-разрядных звеньев – сюжетов. На самом деле жанровые роды, жанры, сюжетно-тематические разряды, сюжетно-разрядные звенья и сюжеты фольклора хуэйцзу Центральной Азии требуют серьезного исследования. Для этого необходимо тщательно изучить содержание прозаического фольклора. Содержание и форма фольклора хуэйцзу являются переходящими друг в друга материальными категориями, поэтому изучение содержания автоматически подразумевает исследование структуры прозаического фольклора хуэйцзу Центральной Азии.

Во втором разделе **“Повествовательно-эстетические жанры”** автор анализирует такой жанр фольклора хуэйцзу, как волшебные и бытовые (новеллистические, авантюрные, сатирические) сказки, сказки о животных и сյо (народные анекдоты). Восприятие сюжетов этих жанров, считающихся собственными повествованиями с “установкой на вымысел”, предполагает принятие основанной на богатой народной фантазии условности содержания. В та-

ких сюжетах роль поэтического вымысла, его функция и качество определяют их основные жанровые особенности.

Одновременно порождаемое произведениями повествовательно-эстетических жанров ощущение невозможности происходящего не делает их совершенно нереальными. В известном случае вымышленная условность служит художественным приемом, направленным на облегчение восприятия содержания, превращая этот процесс в увлекательное, интересное и приятное занятие. По существу, в повествовательно-эстетических сюжетах в нереальную форму облачаются реальные жизненные явления.

В живой народной традиции хуэйцзу Центральной Азии такие произведения называются “гучжир”. Этимологически “гучжир” следует понимать, как “древний и нынешний”. “Древний” – это сюжеты мифологии, трансформированные в “сказки”, “нынешний” – все остальные сюжеты, родившиеся на протяжении всей истории народа, вплоть до настоящего времени.

Повествовательно-эстетические произведения хуэйцзу Центральной Азии в процессе многовековой эволюции сохранили в неизменном состоянии свои основные художественные достоинства. При всей своей подвижности настоящие жанры в своей сюжетной основе все-таки достаточно стабильны, так как характер образов, совокупность стиля есть результат коллективного творчества. В течение времени меняются подробности в текстах, то есть тематические, сюжетные, композиционные детали, но суть фабульной основы сохраняется. В произведениях отражены история и борьба, устремления и оптимизм, художественная одаренность, сложная национальная специфика народа хуэйцзу.

2.1 В подразделе “**Волшебные сказки**” представлен анализ сюжетов, которые занимают важное место в фольклоре хуэйцзу Центральной Азии. Волшебные сказки хуэйцзу обнаруживают явные национальные особенности в структуре, хотя в целом выполняют широко известные “функции” В.Я. Проппа. Настоящий факт объясняется спецификой художественного восприятия окружающей среды данным народом. Учитывая это, мы выработали свой подход к изучению волшебной сказки хуэйцзу, основываясь на известных методах анализа материалов. Применяя к материалам волшебной сказки хуэйцзу морфологическую схему В.Я. Проппа, мы использовали некоторые теоретические положения К.Леви-Строса, А.Греймаса, А.Дандиса, Е.М.Мелетинского, М.О.Ауэзова, С.А.Каскабасова, Г.А.Джалалова и др.

При анализе волшебной сказки хуэйцзу автор работы посчитал целесообразным для удобства группировать функции на элементарные фазы, которые позволяют в достаточно сжатом виде решить задачи исследования. Вследствие этого анализ функций зафиксированных нами материалов позволил выделить следующие фундаментальные сюжетные типы: героические сказки “змееборческого” типа; героические сказки типа “поиск счастья”; архаические сказки типа “дети у людоеда”; сказки о контактах с духами; сказки о чудесных супругах; сказки о семейно-гонимых; сказки о чудесных предметах. Автор настоящего исследования не претендует на абсолютную истину в дифференциации фундаментальных сюжетных типов волшебной сказки

хуэйцзу, поскольку в своих выводах он основывался только на зафиксированных им сюжетах.

В *“Героических сказках змееборческого типа”* исследуются пять текстов этого рода волшебной сказки: *“Понжыр”*, *“Чжон Чен ищет жену”*, *“Понвын”*, *“Белый шелк”*, *“Охотник Хэли”*. Такое скромное представительство известного сюжетного типа можно объяснить особой *“приземленностью”* характера национального сказочного эпоса, что никоим образом не способствовало его развитию.

В героических сказках змееборческого типа хуэйцзу фактически отсутствуют такие характерные особенности содержания, как сказочные *“неопределенности во времени и пространстве”*, присущие сказочным эпосам многих народов. В волшебной сказке хуэйцзу Центральной Азии эти эстетические особенности появились вследствие её развития в дальневосточном фольклорном фонде.

В сказочной фантазии сюжетов змееборческого типа хуэйцзу физические действия героев обычно локализуются во времени и пространстве. Поэтому не наблюдается даже чрезвычайно характерного для волшебной сказки передвижения из одного мира в другой. Герои не выезжают в далекое *“тридевятое царство – тридесятое государство”* совершать свой подвиг. Все замечательные поступки они совершают недалеко от родного дома. Герои добиваются свершения задачи в конкретно известном месте за вполне реальное время. Сказочнику обычно под силу определить время дороги своего героя от известной местности прямо пропорционально локализации в пространстве.

В *“Героических сказках типа “поиск счастья”* анализируются тексты, которые объединены широко известной в сказочном эпосе идеей – поиск счастья, добра, здоровья и т.д. Практически всем нашим сюжетам соответствуют общие сюжетные схемы из международных указателей сказочных сюжетов А.Аарне, С.Томпсона, Н.П.Андреева, В.Эберхарда, Х.Икеда и др. Сюжет *“Золотой рыбки”* обладает сходными элементарными функциональными единицами с АаTh 303 (*“Близнецы или сводные братья”*). Развитие действия сказки *“Золотая птица”* вполне идентифицируется с сюжетной схемой АаTh 550 (*“Поиски золотой птицы”*). Сказка *“Семеро и один пес”* имеет одинаковое сюжетное развитие с АаTh 460 А (*“Путешествие к Богу для получения вознаграждения”*) и Eb 125 (*“Вопросы к небу”*). В *“Трех вопросах”* можно найти сходные сцены действия персонажей с АаTh 460 В (*“Путешествие в поисках удачи”*), Eb 125 (*“Вопросы к небу”*), Ik 460 В (*“Путешествие в поисках удачи”*) и т.д.

Можно сделать вывод, что сюжеты героических сказок типа *“поиск счастья”* обладают схожими моделями структурного строения. Здесь развитие действия осуществляют достаточно близкие по характеру персонажи, которые связаны идентичной задачей – поиском счастья, добра, удачи и т.д. Вследствие этого для всех зафиксированных сюжетов характерны практически близкие по строению модели функций действующих персонажей. На самом деле тексты этого фундаментального сюжетного типа объединены общей социальной тематикой.

Однако схожесть структурного строения не означает абсолютной повторяемости сюжетных ходов зафиксированных текстов. В каждой отдельной сказке схожие повествовательные единицы всегда моделируются на основе внутреннего состояния материала. В результате при всей схожести общей формы структурного построения функций действующих персонажей героические сказки типа “поиск счастья” обладают неповторимыми художественными особенностями.

В *“Сказках о контактах с духами”* произведения представляют собой сюжетные разработки популярной на Дальнем Востоке фольклорной темы. Сформулированную В. Эберхардом общую сюжетную схему данного сказочного фундаментального типа можно обнаружить в сказочном эпосе китайцев, японцев, корейцев и других народов.

По древним представлениям народов Дальнего Востока, сверхъестественными свойствами могут обладать все предметы окружающей жизни. Долгое существование в изолированном темном пространстве якобы способствует тому, что животные, растения, вещи и т.д. могут через пятьдесят лет принимать человеческий облик; через сто – владеть великими тайнами чародейства; через тысячу – стать небесными бессмертными существами. Однако некоторые из них после первой стадии превращения покидают убежище, вступают в контакт с людьми и по инстинкту прежнего существования наносят последним вредительство.

Естественно, что такое мистическое представление об окружающей жизни нашло живое отражение в фольклоре. В народной традиции бытовало множество историй о похождениях лисиц-чжинов, пауков-чжинов, лягушек-чжинов и т.д. Возникшие в глубокой древности как суеверные представления они в ходе развития человеческого сознания приобрели эстетические формы и со временем стали источниками своеобразных оригинальных произведений поэтического народного творчества. Такие произведения своими художественными свойствами близки к мифам-быличкам, но в отличие от последних они уже не обладают свойствами магической хранительной силы. Здесь все мифологические особенности в развитии повествовательного действия служат только основой художественной формы волшебной сказки. Магические действия в сюжетном развитии направлены на победу добра над злом, венцом которой можно считать счастливый конец, представленный в каждом отдельном сюжете.

В *“Сказках о чудесных женах”* исследованы сюжеты, которые относятся к наиболее древнему пласту сказочного эпоса. Они исходят из мифов-быличек о волшебном браке “одного человека” с принявшим человеческий облик тотемным животным, которое дарит своему избраннику силу, удачу, знание и т.д. Со временем в сюжетах происходит естественный процесс разрушения ритуального комплекса тотемических верований, и архаические черты переосмысливаются в духе эстетики волшебной сказки.

В каждом региональном фольклорном фонде существует свой оригинальный набор чудесных субъектов волшебного брака, что обусловлено мифологическим наследием местного развития тотемического верования со своеобразным кругом животных из локальной окружающей действительности.

сти. В процессе постоянного встречного сказочного движения многие образы чудесных субъектов волшебного брака из фольклора самых разных народов стали общим художественным достоянием. В мировом сказочном эпосе в качестве чудесных партнеров выступают дракон, тигр, медведь, лиса, заяц, змея, черепаха, лягушка, пчела, улитка и другие тотемные животные. В сознании членов первобытного общества они все обладали могущественными чудесными силами, имели возможность реинкарнации, так как важная особенность тотемизма – вера в право тотемных животных на брачные отношения с людьми своего тотема. Все зафиксированные нами сюжеты весьма популярны в сказочном эпосе многих народов, записаны во множестве вариантов у китайцев, японцев, чжуаней, хунаньских мяо, народности ли, кава, тибетцев, тангутов из Амдо, аларских бурятов, саларов провинции Цинхай, корейцев, вьетнамцев и др.

В *“Сказках о семейно-гонимых”* проанализированы сюжеты, в которых выведены социально-обездоленные герои реального человеческого общества, что стало серьезным шагом к демократизации изображения действительности. Образы невинно-гонимых героев обладают глубоким социальным содержанием, их формирование непосредственно связано с переходами одного социально-исторического общества в другое. На каждом этапе человеческой истории мир обездоленных пополнялся очередным типом несчастного: сиротка (в результате распада матриархального строя), младший брат (в результате борьбы майората с миноратом), падчерица (в результате вытеснения родовых связей семейными) и т.д.

В сказочном эпосе хуэйцзу сюжеты о невинно-гонимых (семейно-гонимых) относятся к наиболее яркому, богатому и своеобразному фундаментальному сюжетному типу. В круг сказок хуэйцзу Центральной Азии этого разряда входят сюжеты со сходными “элементарными атомами” структурного строения из фольклорных фондов народов Дальнего и Ближнего Востока, Центральной Азии. В зафиксированных нами материалах легко обнаружить сюжеты, мотивы, образы, стилистические образные обороты и т.д. даже при поверхностном сравнении с фольклорными материалами других народов.

В процессе подготовки материалов к описанию мы зафиксировали множество сюжетов о семейно-гонимых в волшебной сказке хуэйцзу: о младшем брате (“Два брата”, “Лосань”, “Добрый и злой”, “Слепой Юсур”, “Добродетельный Хэкэ”), младшей сестре (“Брат Щилагуэ”), падчерице (“Чжиньхуа – золотой цветок”, “Мачеха”, “Белый заяц”), пасынке (“Чжон Тянью”, “Нюду встречает Быйгу”) и т.д. При всей схожести с аналогичными материалами фольклора многих народов они связаны главным образом с локальной фольклорной традицией, наделены чисто национальными самобытными чертами и объединены своеобразными художественными достоинствами.

2.2 В подразделе **“Бытовые сказки”** представлен анализ материалов, которые в фольклористике изучены недостаточно, и до настоящего времени не существует единого общепризнанного термина для их обозначения. Фольклористы обычно определяют известные произведения со схожими специфи-

ческими особенностями, используя условные, оговорочные, символические названия – “бытовые”, “новеллистические”, “новеллистические, реалистические, бытовые”, “социально-бытовые”, “реалистические, бытовые, сатирические” и т.д.

Бытовые сказки хуэйцзу Центральной Азии относятся к практически не изученному жанру сказочного эпоса. Составители тематических сборников необоснованно относили к этому жанру и сяо-анекдоты, и народные новеллы, и сказания, и былички т.д. и т.п. Единственная попытка сгруппировать по содержанию данные сюжеты была предпринята М.А. Хасановым в середине прошлого столетия. Однако и он зачастую рассматривал сяо-анекдоты, народные новеллы, сказания и притчи как бытовые сказки.

Автором исследования поставлена задача определить специфические свойства этого жанра, чтобы отмежевать от него сходные народные новеллы, сяо-анекдоты, притчи и т.д. В связи с этим необходимо было выявить строение исследуемых сюжетов. Следует отметить, что композиция сюжетов этого жанра разнообразна, каждый мотив имеет свою структурную конструкцию.

Бытовые сказки хуэйцзу в сюжетно-тематическом плане проанализированы по бинарной системе, которая была характерна еще для ритуала, мифа, архаического эпоса. Сюжетные ситуации бытовой сказки обуславливались воззрениями, которые выражаются в бинарном разделении мира на два однотипных, но часто противоположных по сущности субъекта или объекта. Автором были выделены следующие сюжетно-тематические разряды с положительными и отрицательными семантическими частями: о почтительности и непочтительности к родителям и старшим; о благородстве и низости; о верности и неверности; об образованности и невежестве; о щедрости и жадности; о трудолюбии и лени; о мудрости, сметливости, находчивости и глупости.

В *“Сказках о почтительности и непочтительности к родителям и старшим”* анализируются материалы, которые пронизаны идеей “сяо” (“сыновней почтительностью”). В древнем Китае отношение к родителям и старшим всегда возводилось в ранг государственной политики. Закон сурово карал детей за оскорбление старших в роду. Преступление против родителей влекло жесточайшую кару.

Хуэйцзу, жившие на территории Китая, не могли не воспринять эти особенности. Следовательно, идея “сяо” (“сыновняя почтительность”) нашла свое отражение в художественном сознании хуэйцзу. Всевозможные назидательные истории о почтительности и непочтительности к родителям и старшим служили своеобразным сюжетным материалом для народного поэтического творчества. Удобными формами для художественного воплощения такой тематики выступали бытовые сказки, предания и новеллы.

В бытовых сказках хуэйцзу назидательные сюжеты достаточно многочисленны. Однако некоторые тексты представляют собой отдельные фрагменты с неразвернутыми сюжетными действиями, что затрудняет фольклористический анализ. Автором внесены в рабочую таблицу и проанализированы десять текстов о почтительности и непочтительности (“Почитание пре-

старелой матери”, “Зуэбайто”, “Бинляр оплакивает мать”, “Чжин-мацзы”, “Снаружи блеск – внутри пустота” и т.д.).

В “Сказках о благородстве и низости” исследованы тексты, которые навеяны конфуцианской морально-этической концепцией о поведении человека в обществе. Следуя этому классическому учению, общество делилось на обладающих высокими морально-этическими качествами “благородных мужей” (цзюньцзы) и требующих постоянного направления в действиях “ничтожных людей” (сяожэнь), что было продиктовано классовыми посылками.

Хуэйцзу в сюжетах о благородстве и низости наполнили чуждую конфуцианскую концепцию о поведении человека в обществе совершенно новым содержанием с истинными морально-этическими знаниями. В философском понимании простого народа *цзюньцзы* обладают не имеющей “небесное происхождение великой моралью” (*да дэ*), а вполне земными человеческими этическими понятиями: честностью, добродетельностью, искренностью, преданностью и т.д.; *сяожэнь* отличаются не отношением к социальной группе “глупых эксплуатируемых простолюдинов”, а внутренними низменными проявлениями: подлостью, ханжеством, высокомерием, неискренностью и т.п.

Автором диссертации зафиксировано множество текстов о благородстве и низости с развернутыми сюжетными ходами и широким кругом морально-этических постулатов о поведении человека в обществе (“Возвращение драгоценности”, “Добродетельный студент”, “Мастер Щякэ”, “Вредишь другому – вредишь самому себе”, “Благословение”) и др.

“Сказки о щедрости и жадности” широко известны в фольклоре различных народов. Понятия “щедрость” и “жадность” – вечные антагонистические нравственные категории добра и зла. И в буддизме, и в христианстве, и в исламе они являются основой этических отношений между членами человеческого общества. В указателе сказочных сюжетов А. Аарне, С. Томпсона такие мотивы занимают значительное место (№ 750, 751, 752, 753, 762, 791, 831) и отнесены к “легендарным сказкам”. Основная коллизия сюжетов связана со сказочным мотивом, в котором человек из жадности совершает зло, но позже кается и начинает проявлять щедрость к жаждущим во имя добра.

Наши же сюжеты представляют собой новеллистические сказки, хотя им не чужды нравоучительные, назидательные и моралистические тенденции. Решение нравственной проблемы в них переведено в несколько иную эстетическую плоскость. В подобных сказках хуэйцзу существуют два самостоятельных сказочных мотива – о щедрости и жадности как одноструктурные произведения с противоположными смысловыми семантическими сюжетами. В сказках о щедрости персонаж проявляет щедрость и вознаграждается за добро. В сказках же о жадности персонаж допускает преступную жадность и наказывается за зло.

На этом этапе развития бытовой сказки хуэйцзу происходит явственный процесс демократизации изображения. В назидательной сказке о “щедрости” и “жадности” отчетливо наблюдается тенденция сатиризации содержания. Вследствие интенсивного развития сатирического направления в поведении ортодоксального героя назидательной сказки совершенно отчетливо вырабатываются новые черты, которые способствуют появлению в повество-

ваниях сатирических элементов. Автором зафиксировано множество сюжетов о щедрости и жадности (“В пургу приносит уголь”, “Сунйичын суждено быть большим начальником”, “Невозможное судебное разбирательство”, “Как можно потерять должность из-за одной медной монеты”, “Ненасытное сердце”, “Скряга” и др.), которые анализируются в настоящем разделе.

В “Сказках о мудрости, сметливости, находчивости и глупости” подвергнуты анализу самые многочисленные бытовые сказки хуэйцзу Центральной Азии. В процессе подготовки материалов для исследования было зафиксировано значительное количество таких сюжетов. По существу ни в одном другом бинарном сюжетно-тематическом разряде мы не обнаружим столько интересных текстов. Настоящий факт свидетельствует о бесспорной популярности этого сюжетно-тематического разряда в сказочном фольклоре хуэйцзу Центральной Азии.

В принципе бытовые сказки о мудрости, сметливости, находчивости и глупости чрезвычайно популярны в фольклоре всех народов. Не случайно в известных международных сюжетных каталогах они составляют значительное количество, хотя вследствие применения различных принципов научной классификации помещены в разные тематические гнезда. В процессе анализа наших текстов мы обращали внимание на сходные сюжеты в признанных указателях сказок. В понимании природы сказки и закономерностей формирования и распространения отдельных сюжетов и их типов, возникновения и варьирования текстов сказок большую роль призван сыграть сравнительно-исторический анализ.

Бытовые сказки хуэйцзу о мудрости, сметливости, находчивости достаточно разнообразны по тематике. Зафиксированные автором материалы легко распадаются на простые самостоятельные составные части. В данном сюжетно-тематическом разряде совершенно отчетливо прослеживаются подразряды а) “о трудных задачах”, б) “о мудрых судьях”, в) “о сметливом паршивом”, г) “о находчивых решениях”, д) “об удачливых ворах” и т.д. Мы рассмотрим сказки по этим сюжетно-тематическим подразрядам. В принципе в признанных сюжетных указателях сказок А. Аарне, Н.П. Андреева, С. Томпсона и других фольклористов кардинальной единицей анализа жанров считались как раз такие подразряды.

Бытовые сказки хуэйцзу “о трудных задачах” (“Мудрость бедной девушки”, “Государь и мальчик”, “Братья единого сердца”, “Отец испытывает сына”, “Положа руку на сердце”, “Справедливый Вон” и др.) объединены художественными элементами волшебной сказки. В действительности такие сюжеты являются трансформированными волшебными сказками. В процессе исторического развития из многих сюжетов волшебной сказки выпали неземные дарители, чудесные помощники, магические предметы и другие фантастические элементы, которые помогали главным персонажам решать создававшиеся их противниками проблемы. Со временем все функции волшебных помощников становятся задачами самих героев, которые должны самостоятельно преодолевать жизненные ситуации. На этом этапе развития известные сюжеты эволюционируют в бытовые сказки.

Бытовые сказки хуэйцзу *“о мудрых судьях”* основаны на популярных в Китае произведениях *“гуньянь”* (*“судебные дела”*). Не случайно аналогии некоторым указанным в таблице сюжетам легко обнаружить в средневековой китайской литературе. Б.А. Васильев еще в 30-е годы обратил внимание на сюжеты о мудрых судьях в фольклоре хуэйцзу Центральной Азии, которые тесно связаны с китайскими романами *“Дела судьи Бао”*, *“Дела судьи Ци”*. Следует обратить внимание на следующий факт. В нашем случае здесь имеет место опечатка. Вместо *“судьи Ци”* должно быть *“судьи Ши”*. Действительно в фольклоре хуэйцзу Центральной Азии часто встречается образ судьи Ши, но никогда – образ судьи Ци. В процессе подготовки материалов для изучения мы зафиксировали и проанализировали сюжеты *“Судья Бао применяет хитрость”*, *“Как судья Бао пытал осли”*, *“История о спрятанном топоре”*, *“Судья Ши помогает землекопу”* и др.

Чрезвычайно популярны в бытовой сказке хуэйцзу сатирические сюжеты *“о веселых похождениях “тузы” (плешивого)”*, которые мы зафиксировали в большом количестве. Это – *“Семеро плешивых”* (АаТн 1535 *“Богач и бедный крестьянин”*, 1537 *“Труп, убитый пять раз”*), *“Трое плешивых”* (АаТн 1536 В *“Три брата горбуна вытаскиваются”*, АаАн 1730 1 *“Мужик хоронит трех попов”*), *“Смышленный плешивый”* (АаТн 465 *“Получение красивой жены”*, 465 А *“Пойди туда, не знаю куда”*, 465 С *“Путешествие в иной мир”*) и др. Образ Плешивого роднит фольклор хуэйцзу с фольклором некоторых соседних народов. Аналогичный персонаж с той же функцией хитрого обманщика, удачливого плута, всегда добывающегося цели, присутствует практически повсеместно в тюркском сказочном эпосе. Главным образом, он называется сходным по звучанию словом *“таз”*, засвидетельствованным еще в древнетюркских памятниках. В принципе можно предположить, что образ Плешивого пришел в фольклор хуэйцзу вместе с культурой тюркских народов, принимавших участие в формировании этноса хуэйцзу.

В бытовых сказках хуэйцзу значительны по объему сюжеты *“о необычайных глупцах”*. Такие сказки характерны для фольклора большинства народов. Все персонажи наделены совершенно аналогичными качествами. Основную причину такого сходства фольклористы видят в общем генетическом развитии самих образов в рассматриваемых текстах. В процессе подготовки практических материалов мы зафиксировали множество текстов о поступках необычайных глупцов (*“Хитрый товар”*, *“Как дурак мух ловил”*, *“Арбуз”*, *“Как человек сошку прятал”*, *“Как бы голуби не услышали”*, *“Спор”*, *“Как уездный начальник вершил судебные дела”* и т.д.). Большинство наших сюжетов представляют собой варианты известных рассказов о глупцах в фольклоре народов Дальнего Востока. Б.Л.Рифтин в комментарии к типичной сказке *“Как дурак мух ловил”* отмечал, что в Китае подобные истории зафиксированы в составленном еще в III веке сборнике Ханьдань Шуня *“Сяо линь”* (*“Лес смеха”*), в более раннем периоде они встречались в виде забавных притч в древних трактатах [5, с. 476].

2.3 В подразделе **“Сказки о животных”** рассматриваются сюжеты, которые немногочисленны в прозаическом фольклоре хуэйцзу Центральной Азии. В рабочем указателе сюжетов мы зафиксировали всего двадцать во-

семь до конца реализованных текстов. Малый удельный вес сказок о животных в фольклоре хуэйцзу объясняется тем, что народы Дальнего Востока рано перешли к земледелию, оставив охотничьи и рыболовные промыслы. Б.Л. Рифтин малочисленность сказок о животных в фольклоре хуэйцзу объясняет бедностью фауны в Китае, где в густонаселенных районах почти нет невозделанных земель, как и настоящих лесов [5, с.13].

Сказки о животных хуэйцзу вследствие неразвитости национальной фольклористики практически не изучены. В немногочисленных трудах по фольклору хуэйцзу, изданных в КНР, России, Казахстане, Кыргызстане и других странах, мы не обнаружили ни одного специального фундаментального научного исследования по данной проблеме. В известной книге о фольклоре хуэйцзу, изданной в Нинся-Хуэйском автономном районе КНР, исследователь Ли Шуцзянь только фиксирует факт существования у хуэйцзу сказок о животных [6]. Все это свидетельствует о том, что сюжеты сказок хуэйцзу о животных нуждаются в серьезной научной систематике.

Зафиксированные автором настоящей работы тексты по своему содержанию, морфологической структуре и эстетическому назначению представляют собой сказки о животных на поздних стадиях развития. С выпадением тотемического мифологического представления о животном мире в содержание сюжетов “врываються” развлекательные моменты с элементами морализации. В таких произведениях функции животных аллегорически отображают повседневное общество, нравы, мораль и привычки его типичных представителей. В них остроумно сочетаются свойства животных со свойствами людей. На персонажи-животных переносятся различные черты человеческого характера: нравственность, правдивость, верность, честность, дружелюбие, хвастовство, хитрость, алчность, глупость и др.

Сказки хуэйцзу о животных требуют особого подхода при анализе зафиксированных текстов. Исходя из особенности строения этого жанра повествовательно-эстетического фольклора хуэйцзу, наиболее рациональным принципом изучения следует считать дифференциацию собранных материалов по центральному конфликту. Предварительный анализ всех зафиксированных сюжетов показывает, что содержание сказки о животных хуэйцзу совершенно отчетливо распадается на определенное количество циклов, образуемых вокруг конкретных действий (“обман”, “дружба”, “вероломство”, “хвастовство”, “хитрость” и т.д.).

В *“Сказках об обмане в действиях героев”* анализируются сюжеты (“Тигр и заяц”, “Лиса и волк”, “Охотник и голубь”, “Перепелка”, “Осел и вол”, “Тигр и олененок”, “Тигр и ослик”), которые объединены вокруг центрального конфликта, определяющегося действием “обман” с соответствующими последствиями. В них главные персонажи-животные в обыденной борьбе за выживание всегда прибегают к самым неожиданным поступкам, по обыкновению позволяющим им одерживать верх над более сильными соперниками. Герои обычно совершают неординарные поступки, благодаря неистощимой хитрости, находчивости и изобретательности.

Сюжеты о животных с “обманными” действиями героя считаются прямыми наследниками архаической сказки о проделках животных-проказников

(трикстеров), хотя в их формировании в процессе длительного эволюционного развития принимали участие и волшебные сказки, и бытовые, новеллистические и авантюрные сказки, и былички. Многие признаки и составные элементы сюжета в них органически связаны с первобытным фольклором и древними человеческими мифологическими представлениями.

В центре таких сказочных сюжетов обычно находится превосходящее всех “слабое” животное. В приведенных выше сказках это заяц, лиса, голубь, олененок, ослик, которые преодолевают сильных животных благодаря хитрости, изворотливости, находчивости. Если с этой точки зрения рассмотреть архаическую сказку о животных разных народов в доклассовый период развития, то мы обнаружим там такую же картину: у северных народов таким животным является ворон; у североамериканских индейцев – норка, койот, у народов Африки – паук, черепаха, заяц и т.д. В данном случае слабое животное является героем в силу приписываемого ему магического могущества.

В *“Сказках о дружбе в действиях героев”* критической оценке подвергнуты сюжеты, которые объединены вокруг основного действия – “дружбы” – между персонажами. В процессе подготовки текстов для анализа мы зафиксировали в различных источниках множество реализованных до логического завершения сюжетов. В диссертационном исследовании подробно анализу подвергнуты сказки “Черепаха и обезьяна”, “Петух, собака и человек”, “Змея и ласточка”, “Медведь, волк и обезьяна”, “Олень и волк”, “Кошка и тигр” и “Кошка и собака” и др.

Изучаемые сказки хуэйцзу о животных, как показывает анализ данных сюжетов, обладают практически общим структурным специфическим свойством. Здесь типичным универсальным зачином, то есть завязкой, является сообщение о дружбе животных, одно из которых – хитрец, с характерными трикстерскими чертами, а другое (другие) – жертва (жертвы) его необычных поступков. В процессе развития основного действия одно животное совершает несправедливое действие по отношению к другому (другим). Типичной универсальной кульминацией, которая также служит развязкой, является реэмулирующее сообщение об окончании дружбы между животными.

В результате проведенного исследования мы приходим к заключению, что сказки этого разряда в составе остальных сюжетов о трюкачестве (“соперничестве”, “споре”, “подражании”, “хвастовстве” и т.д.) сформированы в то время, когда был нарушен принцип синхронности в развитии древних пластов культуры. С этого периода сказка о животных в значительной своей части становится скептическим переосмыслением мифа. При всей фантастичности она выражала рационализирующую тенденцию народного сознания, приучая человека видеть условность в том, что еще недавно было священным. Не случайно в сюжетах прозрачно присутствуют ирония и юмор в отношении к изображаемой действительности.

В *“Сказках о хвастовстве в действиях героев”* анализируются сюжеты (“Воробей-хвостун”, “Воробей и ястреб”, “Воробей и кобчик”, “Шмель и олененок”, “Ласточка и лягушонок”, “Чайка и ворона”, “Тигр и кот”), которые обладают, благодаря главному композиционному стержню, схожими свойствами структуры. Как правило, они содержат какой-либо единственный событийный

эпизод, который обычно реализуется до логического завершения, поэтому представляют собой небольшие по объему рассказы.

Сказки этого функционально-тематического разряда хуэйцзу Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана обладают сатирическим оттенком, приближаясь по своему характеру к народным басням. Собственно, это тот случай, когда сказки о животных изменили свою традиционную форму и ко времени их письменной регистрации уже не имели прежних жанровых признаков. Вследствие этого концовка таких сюжетов обновлялась адекватно жизненным ситуациям и функциональной нагрузке. В результате приведенные выше сказочные сюжеты приобрели некоторые новые качества: иносказательность, аллегоричность, моральную сентенцию, социальную обусловленность. Не случайно практически все тексты заканчиваются своеобразными моралистическими концовками.

К *“Сказкам о вероломстве в действиях героев”* относятся сюжеты, в которых человек участвует наряду с животными в качестве действующего героя. Во всех зарегистрированных сюжетах основой композиции служат произошедшие в сказочной действительности *“вероломные”* действия одного героя по отношению к другому. Человек спасает волка от гибели – волк после этого пытается съесть человека (*“Волк и дровосек”*); корни питают ветку живительными соками – ветка однажды становится ручкой для топора, которым человек безжалостно рубит корни (*“Обида дерева”*); пастух выкармливает умиравшего волчонка – волчонок в зрелом возрасте режет хозяйских баранов (*“Волк и пастух”*) и т.д.

В таких сказках представлен мир, объединяющий людей и животных паритетными отношениями. Этим примечательным единством общежития всех живых организмов в природе рассматриваемые сюжеты указывают на архаичность самих текстов. Содержание этих сказок определенно подводит нас к выводу, что они сформировались в то время, когда народное воображение только искало художественную форму для выражения своих представлений о противоречивой зыбкости мироздания с постоянными нарушениями известного порядка.

2.4 В подразделе ***“Сяо (народные анекдоты)”*** нашего диссертационного исследования рассматриваются сюжеты, которые у хуэйцзу Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана практически никогда не были объектом фольклористической науки. Сложившаяся тенденция в целом определена несколько традиционным пренебрежительным отношением сказочников, предпочитавших включать в свой репертуар более серьезные произведения.

Главное место в тематике *“сяо”* уделено веселой экзекуции над обычными человеческими пороками. Обычно это – юмористические сценки, в которых сатирическое начало по существу заглушено, а сатира присутствует в скрытом, невидимом, подсознательном виде. Народ не столько осуждает, сколько смеется над известными пороками, которые сопровождают человека на протяжении всей человеческой эволюции. В основу *“сяо”* обычно вводится необычный факт, который определяет принцип создания образов. Герои изображаются не в повседневной деятельности, а в исключительных обстоятельствах, которые вполне могут быть случайными. Именно в таких неожиданных

ситуациях проявляются нестандартные реакции героев, вызывающие комический эффект.

Традиционные “сяо” хуэйцзу отличаются особой краткостью содержания. Сюжет в них представляет собой квинтэссенцию передаваемой художественной информации без вступления, отступления и заключения. По сути дела в “сяо” мы имеем дело с емким, сжатым, ярким “кульминационным” эпизодом изображаемого события. В процессе многовекового развития сяо обрели удивительное многообразие стилистических оттенков, используя все богатство художественных приемов. Комический язык “сяо” создается с помощью как общеупотребительных в фольклоре приемов (гипербола, литота, метафора), так и специфических средств (оксюморон, метатеза) в определенных сочетаниях.

Тщательный анализ собранных материалов позволил автору настоящей работы выделить следующие устойчивые сюжетно-тематические разряды: о глупом зяте, о хитрых плешивых, о ловком обманщике, о невероятных глупцах, о странных супругах, о ленивых, о веселом Афанди и др. Как видно, сяо хуэйцзу разделены на сюжетно-тематические разряды, как в указателях сюжетов А. Аарне, Н.А. Андреева, С. Томпсона, В. Эберхарда и других, что обусловлено общностью социально-исторического происхождения жанров в фольклоре всех народов.

В “сяо” *“О глупом зяте”* анализируется большое количество оригинальных произведений, которые чрезвычайно популярны среди населения хуэйцзу Центральной Азии. Все известные сюжеты выделены из различных тематических сборников, рукописных материалов архивного фонда Центра дунгановедения и китаистики Института истории и культурного наследия НАН Кыргызской Республики, записаны нами во время экспедиций в селения хуэйцзу Кыргызстана, Казахстана, Узбекистана, СУАР КНР.

Народные “сяо” о глупом зяте были зафиксированы в Китае в III веке нашей эры Ханьдань Шунем (анекдот о глупом зяте, отправившемся выражать соболезнование по случаю кончины тестя). Именно благодаря долгому бытованию подобные сюжеты в процессе “встречного течения” постепенно переместились в другие страны, претерпели воздействие локальной фольклорной традиции, приспособились к местным обычаям, обрели иной колорит. В результате известные мотивы сегодня прослеживаются в фольклоре народов Дальнего Востока (Япония, Китай).

В “сяо” *“О ловком обманщике”* настоящей диссертации исследованы произведения, которые широко известны в фольклоре многих народов, так как они олицетворяют оптимизм народа. В указателе С. Томпсона известные сюжеты, относящиеся к древнему периоду существования человечества, значатся под номерами 1528*, 1542 11. Ловкий обманщик в фольклоре разных народов носит имена барон Мюнхгаузен, мулла Насреддин, бедняк Алдар Косе, монах Си Танон Чай, ученый Нгуень Куинь, советник падишаха Бирбал и другие.

В фольклоре хуэйцзу ловкого обманщика называют “хуонлюр”. Однако в восприятии хуэйцзу “хуонлюр” давно существует как индивидуальный типический образ, переходя из сюжета в сюжет. В живой народной традиции встречается такое название известного образа, как хуонлюр Ибла (ловкий об-

манщик по имени Ибла). До настоящего времени в селениях хуэйцзу Центральной Азии многочисленные “сяо” о ловком обманщике пользуются широкой популярностью.

В “сяо” “Об Афанди” рассматриваются сюжеты, перенесенные вместе с духовной культурой на новую почву еще с исторической родины. Сюжеты об Афанди попали в фольклор хуэйцзу, во-первых, вместе с культурой тюркских и ираноязычных народов Центральной, Средней, Передней Азии, сыгравших немаловажную роль в формировании этноса хуэйцзу на протяжении многих веков; во-вторых, благодаря “встречному течению” из репертуара уйгуров, казахов, кыргызов и других народов Северо-Западного Китая; в-третьих, благодаря ассимилированным в хуэйской национальной среде тюркоязычным саларам.

В основном сюжеты об Афанди, заимствованные хуэйцзу, впитали воздействие национальной фольклорной традиции (зачины, мотивы, манеры обрисовки образа, выразительные средства, психологические эффекты и т.д.). В результате такой эстетической художественной обработки в процессе традиционного бытования на протяжении длительного времени они практически полностью трансформировались и модифицировались в новой национальной среде.

Образ Афанди в фольклоре хуэйцзу вследствие постоянного влияния сюжетов из словесного традиционного творчества казахов, кыргызов, узбеков, уйгуров, саларов и др. практически обладает разноликими внешними чертами. В различных сюжетах он предстает перед читателями и мудрецом, и проказником, и шутником, и глупцом, и простаком, и чудаком и т.д. В принципе же он обладает совершенно обычными характерными чертами фольклорных хитрецов, таких, как Абу-Навас, Алдар-Косе, Ахмет-Ахай, Бирбал, Жиренше, Кемине, Ким Сон Даль и др.

Сюжеты “О супругах” содержат истории о неверных женах, о мужьях, которые боятся своих жен, о супружеских спорах и т.д. В них развенчивается, осмеивается и критикуется строптивая супруга в таких формах, которые предполагают предварительное поражение ее в социальной, бытовой, семейной жизни, в общественно-правовых отношениях.

Характерной особенностью известных сюжетов обычно выступает очевидная пародийная, гротескная и юмористическая трактовка изображенной темы в виде бытовых происшествий – фантастических, случайных, неожиданных. Однако это преувеличение все же по-житейски правдоподобно, вполне допустимо и не выходит за границы реальности. Следовательно, можно говорить о широко распространенном приеме пародирования, когда в основу сатирического осмеяния того или иного явления положен реалистический гротеск, а сатирическое начало практически отодвигается комическими ситуациями на задний план эстетического восприятия.

Акцент осмеяния злой, неверной, стропливой, упрямой жены в бытовой сказке, анекдоте и притче позволяет предположить, что зарождение данных сюжетов может быть связано с доисторической эпохой перехода от матриархата к патриархату. Этой эпохой могли быть порождены и фантастические формы опорочения жены, и экстравагантные методы борьбы женщины с

нарождающимся мужским самовластием в сюжетах с незавидной ролью мужа, и нетрадиционные способы выяснения взаимоотношения между супругами.

В “сяо” *“О тугоухом, близоруком, кривоногом и других”* включены сюжеты, в которых обычно участвуют сразу несколько необычных героев. В юмористическом фольклоре хуэйцзу Центральной Азии эти образы занимают особое место. Физические недостатки героев, раскрытые в юмористической форме, рассказываемой истории в этом случае только атрибуты, изобразительные средства, художественные нюансы, помогающие создать фольклорный образ.

В “сяо” хуэйцзу тугоухий, близорукий, кривоногий и другие персонажи всегда отличаются удивительно трогательной дружбой. В то же время они непримиримые соперники в остроумии, постоянно осыпающие друг друга насмешками. Однако в этих непрекращаемых словесных дуэлях никто никогда не одерживает верх, а веселые друзья, несмотря на частые ожесточенные споры, доходящие нередко до рукоприкладства, никогда не расстаются. Герои таких “сяо” развлекают публику забавными сценками, словесными играми, озорными шутками, скоморошьими проделками и всяческими трюками. Они не столько стремятся к острой сатире, сколько смешат людей, обыгрывая комизм положения какой-либо обыденной ситуации. Веселые невинные трюки шутников основаны на жизнерадостном восприятии окружающего мира.

Характер шуток главных героев позволяет сделать вывод, что данный цикл “сяо”, вероятно, восходит к древним уличным актерским представлениям странствующих шутов, которые со временем подготовили почву уличной актерской традиции в обществе. В результате стали появляться актерские сцены при храмах, в деревнях на площади, в частных домах и т.д. Многие яркие забавные истории, сыгранные уличными актерами, позднее превратились в рассказы, передаваемые из уст в уста. С этого времени, скорее всего, и начинается формирование в фольклоре образов тугоухого, близорукого, кривоногого и других.

В третьем разделе **“Информационно-мнемонические жанры”** представлены материалы, которые относятся к народной прозе сказочного характера – архаические мифы, предания, легенды, побывальщины, сказания, сказы-воспоминания и некоторые другие чисто региональные, религиозные и национальные специфические жанры. Такие произведения обычно представляют собой отражение художественно обработанного, эмоционально-приподнятого, но обобщенного факта действительности с “установкой на достоверность”.

В известных сюжетах каждая история воспринимается как эпическая мнемоническая реальность, потому что вымысел в данном случае носит не эстетический, а бессознательно-коллективный характер. В этих текстах независимо от видového (дидактического, патриотического, моралистического, одического и т.д.) сообщения приоритет приобретает общая доминантная функция мнемонического значения с претензией на достоверность информации. Такие произведения обычно служат практической цели передачи космо-

гонических, исторических, политических, религиозных, бытовых и иных сведений человеческого коллектива.

Информационно-мнемонические сюжеты народной прозы до настоящего времени представляют собой практически поверхностно изученную часть фольклора. Сложность классификации этого вида фольклора объясняется неустойчивостью композиции, сюжета, слабой разработанностью стилистических средств и отсутствием “замкнутого времени” в самих жанрах. Не случайно фольклористы для характеристики этого рода фольклора часто используют различные словосочетания: “устная народная прикладная проза”, “народная несказочная проза”, “бытовой прозаический фольклор” и т.д. И сегодня в фольклористике нет четкой научной терминологии, слабо различаются жанры, хаотична их классификация на отдельные разряды. Разработки В.И.Чичерова, Ст.Томпсона, Л.Е.Элиасова, Р.М.Дорсона, В.Д.Хэнда, С.Н.Азбелева, К.В.Чистова, Н.А.Криничной и других не дают исчерпывающе определить жанровые особенности прозаического информационно-мнемонического фольклора.

В Центральной Азии информационно-мнемонические жанры также являются слабо изученным звеном фольклора, о чем свидетельствуют скудные исследования ученых в настоящей области. В этой научной дисциплине серьезные шаги предприняты только казахскими специалистами. Известные книги С.А.Каскабасова (“Казахская несказочная проза” [7], “Колыбель искусства” [8], Е.Д.Турсунова (“Генезис казахской бытовой сказки. В аспекте связи с первобытным фольклором” [9] и других можно считать серьезным вкладом в современную фольклористику.

До настоящего времени информационно-мнемонические жанры повествовательного фольклора хуэйцзу Центральной Азии не были объектом исследования, хотя существует достаточное количество опубликованных, зафиксированных в записях и бытующих в живой народной традиции материалов. В фольклористике хуэйцзу Центральной Азии до сих пор нет ни одной работы, посвященной изучению информационно-мнемонических жанров повествовательной народной прозы, что объяснимо недостаточным вниманием к ним фольклористов. Комментарии к сюжетам Б.Л. Рифтина в книге “Дунганские народные сказки и предания” фактически являются первым научным сообщением в области исследования информационно-мнемонических жанров фольклора хуэйцзу Центральной Азии.

3.1 В подразделе “**Мифы**” проанализированы архаические мифологические сюжеты. Старое понимание жанровой сущности мифа, которое основано на признаках развитой в художественном отношении мифологии античного периода, постепенно значительно расширяется за счет архаического фольклора различных народов. В трудах К.Бремона, А.Греймаса, А.Дандиса, В.Б.Иорданского, Э.Кенгас-Маранды, Е.С.Котляра, П.Маранды, Е.М.Мелетинского, Б.Н.Путилова, Д.Д.Фрезера, С.А.Каскабасова и других однозначно установлено, что в прозаическом фольклоре многих народов существуют так называемые архаические мифы.

В информационно-мнемоническом творчестве хуэйцзу архаическим мифам соответствуют космогонические, астральные, этиологические сюже-

ты, которые сохранились главным образом в виде многочисленных отдельных “осколков” живой народной традиции. Фольклористы хуэйцзу Центральной Азии подобные произведения обычно оставляли вне поля зрения, причисляли к сказкам и не всегда подвергали анализу их особенности. Например, М.А.Хасанов и И.И.Юсупов в книге “Дунганские сказки и предания” [5] в раздел с волшебными сказками включили мифологические сочинения о шэньсянь-бессмертных, Ф.Н.Машинхаева в сборнике “Бабушкины сказки” [10] с текстами о животных поместила мифологические сюжеты “Почему у ласточки хвост раздвоенный”, “Почему у коровы нет верхних зубов”, “Почему сорока выплевывает яйцо” и др.

Систематизация, анализ и изучение существующих материалов показали, что в жанровом составе прозаического фольклора хуэйцзу Центральной Азии сохранились во многом утратившие свои первоначальные свойства образцы архаических мифов. Однако известный факт все же послужил для нас основанием выделить миф в самостоятельный жанр. Зафиксированные нами произведения, подобно мифам первобытного общества, объясняют причины возникновения вселенной, небесных светил, различных явлений природы и объектов земли, происхождения первых людей, животных, птиц, специфику их повадок и поведения, особенность их внешности и т.д.

Понимание автором настоящей работы архаического мифа как специфического жанра информационно-мнемонической бытовой прозы близко к представлению Юань Кэ. Известный реставратор китайской мифологии высказал мнение, что такие произведения обычно повествуют о могучих героях древности (стрелок И, небесные влюбленные, Ткачиха и Волопас, “культурные герои”, Паньгу, ботин-шелкопряд) [11]. Мифологические произведения хуэйцзу и ханьцзу достаточно близки, прежде всего, сюжетными линиями и потому имеют одинаковые сюжетные, структурные и функциональные особенности.

“Космогонические мифы” представлены небольшим количеством текстов. Существуют в черновом варианте записи М. Хасанова, рукописные тексты Ч. Чжоншонло и записанные нами у различных информаторов во время экспедиций в селения хуэйцзу Кыргызстана, Казахстана, Узбекистана сюжеты, которые хранятся в рукописных фондах Института языка и литературы им. Ч.Айтматова и Центра дунгановедения и китаистики НАН Кыргызской Республики.

В настоящее время в мифологии хуэйцзу не существует какой-либо приблизительной системы, поскольку нет специалиста, чтобы соединить все известные сведения в единое целое. Такая работа требует одновременно исторических, этнографических, литературоведческих знаний. В нашем случае же остается только констатировать факт существования отдельных текстов, чтобы дать хотя бы первую информацию о космогонических мифах хуэйцзу.

Космогонические мифы в отличие от текстов других сюжетно-тематических разрядов требуют последовательного расположения записанных материалов в хронологическом порядке, поскольку отдельно существующие сюжеты представляют собой составные части некогда единой мифологической системы. В связи с этим зафиксированные автором диссертаци-

ции тексты (“Миф о духах Инь и Янь”, “Нюва создает людей”, “Нюва чинит Небо”, “Яо вершит судебные дела”, “Рождество Шуня”, “Владычица Запада”, “Фуси добывает огонь”, “Чжулун”, “Почему после третьего петуха солнце выходит”) анализируются с хронологической точки зрения. Рамки исследования не позволяют рассмотреть все тексты, поэтому в диссертации представлены ключевые сюжеты, которые определяют ход основных событий в космогонии.

В “*Этиологических мифах*” исследуются материалы, которые представляют собой попытки осмыслить признаки, качества, повадки зверей, птиц, растений и другие составные элементы окружающей действительности. Этиологическим мифам в отличие от многих жанров информационно-мнемонического фольклора в меньшей степени присущи сугубо национальные традиции. В этом случае все существующие национальные признаки привнесены в тексты в достаточно обозримом историческом времени. При возникновении такие произведения, вполне возможно, были общими для древнего человеческого общества. Только в период деления огромного человеческого коллектива на отдельные фратрии “великие сказания” стали подвергаться переработке.

Хуэйцзу Центральной Азии сохранили достаточно большое число этиологических сюжетов. Автор диссертации зафиксировал двадцать пять самостоятельных сюжетов. В действительности в живой народной традиции бытует значительное количество текстов в виде отдельных “осколков” когда-то существовавших оригинальных сюжетов. В волшебных сказках, народных повестях, легендах они представлены в виде лирического отступления. Однако такие обрывочные части текста не могли быть включены в таблицу сюжетов, хотя достойны серьезного внимания в процессе анализа отдельных аспектов настоящего жанра информационно-мнемонического фольклора.

В процессе подготовки материалов мы зафиксировали тексты, отражающие наблюдения за животными (“Почему собака ест отруби”, “Почему у зайца такие длинные уши”, “Почему у коровы не хватает верхних зубов”), птицами (“Почему у ласточки хвост раздвоен”, «“Почему сороку называют птицей “щиче” – птицей радости», “Почему ворона такая черная”, “Жаворонок”) и растениями (“Почему ель всегда зеленая”, “Почему на тюльпанах темные отметины”, “Почему тутовник назвали деревом смерти”), которые послужили предметом подробного анализа диссертационного исследования.

В мифах “*О всемирном потопе*” диссертантом проанализированы произведения, которые достаточно широко распространены в фольклоре многих народов мира. В основе таких сюжетов обычно отражены реальные факты локальных наводнений, которые имели место во многих странах. Главная тема этих произведений всегда раскрывается с позиции эстетического восприятия каждого отдельного народа.

Хуэйцзу на протяжении своей истории пережили такие наводнения, как всемирный потоп “хун фи по тян” (дословно “красная вода затопляет мир”). Хроники истории древнего Китая изобилуют многочисленными сведениями о стихийных бедствиях, которые наносили колоссальный ущерб окружающей среде. Выражение “красная вода” основывается на реалиях – лессовые

плато Северо-Западного Китая состоят из глины красного цвета, а во время наводнения бурные потоки несут ее массы.

В таблице сюжетов прозаического фольклора хуэйцзу мы зафиксировали три реализованных до конца сюжета об этой общечеловеческой катастрофе. Правда, мы обнаружили еще несколько интересных “осколков”, входящих в сюжеты других разрядов, – “Тигр с красными глазами”, “Почему у ласточки хвост раздвоен”, которые не могут быть рассмотрены в качестве самостоятельных сюжетов.

В сюжетах “О шэньсянь-бессмертных” анализируются материалы о мифологических святых, которые в фольклоре хуэйцзу Центральной Азии пользуются особой популярностью. Добродетельные бессмертные в качестве постоянных положительных персонажей присутствуют практически во всех жанрах народного словесного творчества, выполняя различные функции: в волшебных сказках выступают в роли “дарителей”; в сказаниях решают задачи мифических героев; в мифологических сочинениях представляют своим аскетизмом добродетельных святых и т.д.

Шэньсянь-бессмертные восходят к древней даосской мифологии, вошедшей в себя черты различных архаических верований и шаманизма, мигрировали в фольклор хуэйцзу из китайской мифологии. В Средние века в Китае был создан цикл сюжетов о восьми наиболее популярных бессмертных, которые позже стали героями фольклорного творчества хуэйцзу. Время появления народных сочинений о восьми бессмертных (“ба сянь”) датируется XIII веком, то есть временем Монгольской династии. Отголоски этих народных сочинений можно обнаружить в фольклоре народов Китая.

В фольклоре хуэйцзу Центральной Азии в основном известны имена Хань Сян-цзы и Ли Юнь-чжун (Ли те-гуэ). В рабочей таблице сюжетов мы зафиксировали шесть текстов о великих бессмертных: “Хань Сян-цзы продает даосский халат”, “Ли Те-гуэ ночью крадет масло для лампы”, “Стихи Ли Те-гуэ”, “Хань Сян-цзы переводит в иной мир Ли Ина”, “Бессмертный Телигуэй”, “Как бедняк стал бессмертным”.

3.2 В подразделе “**Предания**” автором диссертации проанализированы произведения, которые не стали достоянием широких народных масс, поскольку рассказчики нечасто обращаются к подобным сюжетам в большой аудитории, вспоминая их в связи с каким-либо событием, действием или фактом, как своеобразный комментарий к некоторым жизненным ситуациям. Как правило, народ воспринимает их как “осколки” реальной жизни, поэтому они не могут служить в качестве развлекательных образцов.

Для передачи информации настоящих сюжетов необходима особая, интимная и доверительная обстановка. Немаловажное значение при этом приобретает особая настройка рассказчика, и слушателей. Не случайно исполнители, высоко оценивая предания, для широкой аудитории предпочитают исполнять сказки, рассказы, повести, где они могут свободно интерпретировать народные творческие замыслы. Предания же требуют от рассказчиков предельно бережного отношения к содержанию, композиции и выразительным средствам.

На языке хуэйцзу предания называются “чуанфэ” (буквально “то, что передается в устной речи”), они, как и “предания”, имеют одинаковое этимологическое значение. В обоих случаях речь идет о том, что в памяти народа бережно фиксируется, хранится и передается из поколения в поколение на протяжении многих столетий. На самом деле предания повествуют о важных событиях прошлого, о живших раньше видных деятелях, об отдельных местностях и т.д. В отличие от повествовательно-эстетического текста вымысел в известных произведениях не имеет художественной условности.

Основным критерием при классификации преданий хуэйцзу стали национальные особенности самих материалов. Учитывая характер материала и удельный вес каждого из разрядов по отношению к фольклорной традиции в целом, автором настоящей работы предания хуэйцзу Центральной Азии дифференцированы на следующие сюжетно-тематические разряды: космогонические, этиологические, топонимические, исторические и морально-философские, которые, в свою очередь, содержат локальные сюжетно-тематические подразряды.

В “*Топонимических преданиях*” исследуются сюжеты о происхождении гор, рек, озер, селений, крепостей и т.д. В основном топонимические предания хуэйцзу Центральной Азии перенесены некогда из Китая, но вследствие потери непосредственной живой связи с объектами отражения постепенно утратили первоначальную актуальность. Новые поколения хуэйцзу, никогда не видевшие самих предметов изображения, с каждым днем все меньше проявляют интерес к анализируемым фольклорным материалам. В отличие от остальных информационно-мнемонических материалов топонимические предания требуют визуального представления предмета всеобщего эмоционального восприятия. В настоящее время мы еще располагаем некоторыми известными текстами, однако уже в несколько схоластической форме.

В настоящем сюжетно-тематическом разряде нами изучены такие зафиксированные материалы, как “Предание о горе Богэдашань”, “Предание о реке Чаньхэ”, “Предание о реке Циншуйхэ”, “Предание об озере Айгуаньху”, “Предание об озере Чжаньланьху” и др., которые хуэйцзу сохранили, передавая из поколения в поколение в течение длительного периода времени. Все тексты, зафиксированные в нашей таблице, взяты из личного архива В.Е.Корякина. Ученый записывал их на протяжении многих лет от информаторов СУАР, НХАР КНР. Следовательно, известные предания являются фольклорным материалом хуэйцзу КНР.

В “*Исторических преданиях*” исследуются тексты, которые занимают особое место в информационно-мнемоническом жанре фольклора. Каждый народ с особой бережностью относится к подобным материалам, так как видит в них живую картину своей истории. Исторические предания считаются своеобразной летописью народа, хотя распространяются устно и со временем обрастают дополнительными деталями, вбирают элементы художественности и перемещаются во времени.

В исторических преданиях представлены люди, события и время реальной истории. В них использован психологический метод отражения дей-

ствительности. И сегодня, читая исторические предания, мы включаемся в общенародное эмоциональное восприятие исторической действительности.

Исторические предания хуэйцзу Центральной Азии обладают присущим только им своеобразием, обусловленным фактором национального восприятия действительности. Автор диссертации сгруппировал зафиксированные в таблице сюжеты тексты, в четыре самостоятельных сюжетно-тематических подразряда: а) предания о знаменитых исторических деятелях; б) предания о народных героях; в) предания о выдающихся талантах; г) предания об известных исторических событиях и с учетом этого проанализировал зафиксированные материалы.

В преданиях о знаменитых исторических деятелях анализируются сюжеты о государственном деятеле, флотоводце, мореплавателе Чжэн Хэ, который достиг вершины славы в период правления Минской династии. В западных историко-географических трудах, где подробно описывается все, что имеет даже косвенное отношение к деятельности Колумба, Васко да Гаммы, Магеллана и других, мы не встретим ни одной строки о Чжэн Хэ, плававшего по морям в ту пору, когда в стенах замка Сагреш Генрих-мореплаватель только разрабатывал планы первых африканских экспедиций. Между тем заморские походы Чжэн Хэ по масштабу и по технике организации, а в известной мере и по своим результатам, нисколько не уступают многим плаваниям европейцев в XV веке.

В предания о Чжэн Хэ, которые зафиксированы в нашей таблице сюжетов, включены материалы В.Е.Корякина (“Поимка казнокрада”, “Третий попечитель императора”, “Беседка для встречи вельмож” и “Сватовство дипломата”), которые содержат важные сведения об основных этапах жизни путешественника. В настоящих произведениях раскрываются смелость, мудрость и патриотизм этого удивительного человека, всегда старающегося, во-первых, остаться истинным мусульманином, во-вторых, выполнить свой профессиональный долг и, в-третьих, помочь своему народу в трудный для него исторический период времени.

В преданиях о народных героях хуэйцзу рассматриваются сюжеты о руководителе хуэйского восстания против Цинской империи в конце XIX века. В зафиксированных в нашей таблице сюжетов преданиях (“Бакалавр”, “Восстание”, “Переправа через реку Яньцзянь”, “Казнь генерала” и “Желчь павлина”) рельефно отражены основные этапы жизни Ду Вэньсю, хотя описываемые события не всегда подтверждаются историческими фактами. Рассказчики воспроизводят действия своего героя так, как воспринимали их народные массы. Следовательно, это – прямая передача сформировавшегося образа из массового эмоционального сознания народа. В процессе постоянной передачи из поколения в поколение некоторые ключевые события естественным образом актуализированы.

Восстание хуэйцзу в Западной Юньнани, которое кардинально изменило судьбу хуэйцзу Центральной Азии, вызвано фактическим геноцидом цинской политики по отношению к мусульманам. За короткое время под началом Ду Вэньсю собралась огромная армия из представителей самых разных слоев общества. На этой волне в Западной Юньнани возникло знаменитое

государство Ду Вэньсю, которое просуществовало в течение восемнадцати лет.

В преданиях об известных исторических событиях исследуются сюжеты о вооруженной борьбе мусульманского населения Китая против власти маньчжурской династии Цин. Эти события связаны преимущественно с антимусульманской политикой цинского императорского двора, преследовавшего цель навсегда покончить с мусульманами. В таблице сюжетов автором зафиксирован ряд преданий, отразивших двадцатилетнюю борьбу хуэйцзу за свои национальные и религиозные права против могущественного маньчжурского правительства. В народных преданиях “Дали в огне”, “Крепость Цзиньцзи”, “Суйчжоу”, “Крепость Манас”, “Переход через Тянь-Шань” и “Нарынская дорога” отражены трагические события судьбы хуэйцзу.

В “*Морально-философских преданиях*” критической оценке подвержены двенадцать сюжетов, которые дифференцируются на следующие тематические подразряды: а) о добродетельности; б) об отважности; в) о любви. Несмотря на малочисленность сюжетов автором настоящего исследования каждый подразряд проанализирован в отдельности.

Все зафиксированные морально-философские предания хуэйцзу Центральной Азии перенесены в настоящий регион полтора века назад из Северо-Западного Китая. Многие сюжеты, такие как “Ван Сянь теплом своего тела растапливает лед”, “Почитание матери Го Чуем”, “Сучин”, “Чужак”, “Лян Шань-бао и Чжу Иньтай”, “Ма Вугэ и Га Думэй”, “Фань Си-лан и Мэн Цзяннуй”, “Ню-лан и Чжинуй”, широко известны в творчестве многих народов Восточной, Южной и Центральной Азии.

На известные темы созданы прозаические, драматические, лирические и эпические произведения в фольклоре многих народов известного региона. Изучение настоящих сюжетов фольклора хуэйцзу Центральной Азии имеет значение, так как оно позволит осуществить нужное сопоставительно-типологическое исследование всех существующих аналогичных материалов и выяснить общие исторические, экономические, социальные корни зарождения многих сходных сюжетов в фольклоре соседствующих народов.

В преданиях о “добродетельности” описаны морально-этические нормы поведения человека в обществе. На содержание этой философской концепции хуэйцзу ощутимое влияние в основном оказало исламское вероучение, которое предписывало индивидууму определенные моральные нормы поведения в обществе. Смысловой спектр содержания записанных текстов охватывает широкий диапазон этического отношения человека к окружающей действительности: почитание родителей (“Ван Сянь теплом своего тела растапливает лед”, “Почитание матери Го Чуем”); гуманность (“Истинная дружба”); порядочность (“Сучин”); преданность (“Юй Бийя разбивает цитру”). В этих сюжетах присутствует большинство важных элементов, относящихся к понятию добродетельности, определяющей с точки зрения хуэйцзу достоинство каждого индивидуума.

Предания об отваге связаны с “культовыми” творческими разработками человечества, с темой борьбы с культурными локусами. В мифологической концепции становления социума значительное место занимает тема

уничтожения враждебных людям чудовищ и умиротворения культурных локусов. В прозаическом фольклоре хуэйцзу Центральной Азии мы обнаружили несколько текстов, которые относятся к типичным образцам о змеборчестве, однако не все они считаются реализованными до конца в сюжетном отношении. Вследствие этого не все единицы были включены в таблицу сюжетов для анализа. Мы отметили всего два сюжета (“Чужак” и “Баракульский скакун-дракон”), которые представляют собой типичный образец преданий о змеборчестве, приуроченный к определенной местности.

Предания о любви очень популярны у хуэйцзу Центральной Азии. Не случайно многие предания стали сюжетами для романов, драм, поэм, опер, песен и т.д. В преданиях о любви (“Лян Шань-бо и Чжу Ин-тай”, “Ма Вугэ и Га Думэй”, “Фань Си-лан и Мэн Цзян-нью”, “Ню-лан и Чжи-нью”) хуэйцзу отразили свое отношение к прекрасному. Передавая из поколения в поколение эти символы духовной чистоты, они тем самым напоминали людям об истинной человеческой природе. Предания хуэйцзу о любви, зафиксированные нами в процессе подготовки материалов, выражают естественное вечное стремление народа к идеальным взаимоотношениям между людьми в человеческом обществе.

3.3 В подразделе “**Легенды**” проанализированы сюжеты, которые считаются неординарными в фольклоре. Исследования фольклористов, при всем многообразии определения жанра, все же позволяют выделить легенду из народной информационно-мнемонической прозы. Настоящие сюжеты призваны отражать откровения, которые возникли под влиянием воодушевленного отношения к духовной вере. Основным критерием их содержания считается положение об абсолютной божественной целесообразности всего существующего.

Хуэйцзу, как последователи ислама, в легенде (“шэньюй” – “бессмертное духовное слово”) отразили идею устройства Вселенной с точки зрения исламской доктрины. В легендах о сотворении мира, о происхождении Земли и Неба, о пророках, святых и бессмертных, о наказании злых и прощении грешников и т.д. явственно обнаруживаются концепции ислама о господстве в мире извечно предустановленной Аллахом целесообразности, ради осуществления которой все окружающее существует и развивается.

Хуэйцзу отразили в жанре легенды свое сложное мировоззрение, продиктованное фактором их формирования как этноса исламом, хотя и адаптированным к китайской действительности. Во многих известных сюжетах присутствует достаточно мотивов, образов, изобразительных средств, присущих воспитанным на конфуцианстве, буддизме и даосизме народам, но приведенных в соответствие с исламскими этическими канонами. В результате сложного психологического восприятия действительности хуэйцзу создали множество легенд, удивительно причудливых и своеобразных.

Определение содержания и формы популярного жанра в фольклоре хуэйцзу Центральной Азии предполагает систематизацию имеющегося материала по традиционному сюжетно-тематическому принципу, что позволяет в достаточной мере осветить особенности впервые исследуемого жанра фольклора. В процессе систематизации имеющиеся материалы были сгруппирова-

ны в сюжетно-тематические разряды, с учетом которых проведен анализ жанров этого информационно-мнемонического фольклора хуэйцзу.

В легендах *“О прародителях человечества”* анализируются сюжеты об Адаме и Еве, образы которых представлены в духовной жизни многих народов мира. В фольклоре прародители человечества имеют специфическое национальное обличие, хотя несут конкретную общечеловеческую информацию, что объяснимо особенностями исторического развития каждого отдельно взятого народа.

Главным фактором консолидации духовного потенциала многих народов в создании единых прародителей Адама и Евы следует считать сходство святых образов в известных религиях, идентично выведенных текстах священных книг исламской, христианской и иудейской религии, хотя многие факты их “биографии” не всегда совпадают. В каждой из упомянутых религий образы первых людей на Земле выполняли философские, этические и эстетические установки самостоятельного верования.

Нами зафиксированы четыре оригинальные легенды об Адаме и Еве (“Прародитель человечества Адам”, “Адам и Ева”, “Адам добывает источник огня” и “Дети Адама и Евы”), заимствованные из архивных материалов Д.М. Хахазы. В диссертационном исследовании подробно анализируются сюжеты этого тематического разряда, отмечено влияние на них со стороны местных китайских обычаев, верований и традиций. На основе анализа сделан вывод о том, что в легендах хуэйцзу Адам и Ева отличаются художественным своеобразием.

В легендах *“О первых посланниках Аллаха”* мы ограничиваемся сюжетами о коранических персонажах, которые популярны у хуэйцзу Центральной Азии. В настоящее время это самые неизученные аспекты жанра легенды. Как правило, слушатели подобные тексты воспринимают как реальные священные откровения, в качестве обычного религиозного знания. Однако в действительности такие сюжеты, несмотря на религиозный характер содержания, прежде всего являются разновидностью несказочной народной прозы.

Настоящие легенды созданы самими хуэйцзу на основании собственных, заимствованных и контаминационных мотивов, а не перенесены из религиозных сочинений и других источников. В таких легендах коранические, ококоранические и иные мотивы переданы исходя из эстетического восприятия действительности хуэйцзу. В примерную таблицу сюжетов после отсева большого количества материалов из общего мусульманского фольклора мы внесли легенды о пророках Нухе (“Живой труп”), Юсуфе (“Небесная инспекция”), ал-Хадире (“Поиск серебряной стрелы”, “Путешествие в потусторонний мир”) и др.

Данные легенды, как показал анализ приведенных сюжетов, занимают особое положение в национальной несказочной прозе. Со временем специфические особенности содержания обусловили формирование своеобразного поэтического строя настоящих рассказов. Все зафиксированные сюжеты, несмотря на различные событийные ходы, имеют идентичную форму выражения основной идеи. Такие тексты еще в большей мере, чем другие легенды хуэйцзу, подчинены дидактике, так как призваны главным образом настав-

лять человека. Специфические художественные свойства позволяют автору сделать вывод о выработанном общем стиле агиологии хуэйцзу – абстрактно-генерализующее изображение действительности с подчинением религиозно-нравственному нормативу.

“*О пророке Мухаммеде*” мы зарегистрировали несколько сюжетов. Хуэйцзу принимали активное участие в создании светлого образа пророка Мухаммеда. Как известно, этнос хуэйцзу сформировался, благодаря проникновению в Китай ислама ханафитского мазхаба, вследствие чего святыми образами считались коранические персонажи. Естественно, в сонме святых главное место хуэйцзу отвели посланнику Аллаха Мухаммеду. В таблицу сюжетов автором настоящего исследования введены следующие тексты: “Финик”, “Картошка”, “Пять видов хлебных злаков”, “Лучше самому постараться”, “Спасение Тай-цзуна от чудовища”, “Явление Тай-цзуну во сне”. Нами зафиксировано немного сюжетов, но этого вполне достаточно для определения основ, содержания и композиции известных материалов.

Анализ названных сюжетов материалов показал, что спектр отражения действительности в легендах хуэйцзу о пророке Мухаммеде необычайно широк – он охватывает практически все стороны жизни общества. В сюжетах этого тематического разряда главным действующим лицом представлен посланник Аллаха, Мухаммед, который объединил в своем образе все замечательные качества своих предшественников: мудрость Сулеймана, справедливость Мусы, милосердие Исы и других легендарных пророков.

В легендах “*О святых (аулийа)*” рассматриваются сюжеты о послекоранических святых. К святым хуэйцзу наряду с кораническими персонажами также отнесены исторически достоверные лица, такие защитники “истинной веры”, как первые халифы, мухаджиры, ансары и другие, ставшие известными на разных этапах распространения мусульманской религии. В таких легендах послекоранические святые, в отличие от “связующих” Аллаха и коранических святых, предстают в облике обычных истовых последователей религии, хотя и способных получать свыше карамат (знамения).

Мы зафиксировали такие сюжеты о послекоранических святых, как о четвертом “праведном” (“рашидун”) халифе Али б. Аби Талибе, о сподвижниках пророка Мухаммеда Сайде ибн ал-Мусаибе, Вайсе ал-Карани и Сайд ибн Абу Ваккасе, о местных известных религиозных деятелях и безымянных легендарных служителях мусульманской религии. Эти немногочисленные сюжеты, зафиксированные во время сбора материалов для настоящего разряда легенд, свидетельствуют о том, что этот вид фольклорного творчества не утратил первоначальной притягательной магической силы.

В легендах “*Об этногенезе хуэйцзу*” излагаются сюжеты о генеалогии хуэйского этноса. Сложная этническая эволюция хуэйцзу всегда была плодотворной темой для народного художественного воплощения. В настоящее время существует большое количество самых различных фольклорных материалов о происхождении хуэйцзу. В процессе подготовки материалов к анализу мы зафиксировали множество сюжетов в записи А.Н.Беннигсена, С.Лишонгуя, Н.Явшиева, Ч.Чжоншонло, Х.Ю.Юсурова, М.А.Хасанова, М.Я.Сушанло и др.

Однако при значительном различии во взглядах на данную проблему исследователи сходятся во мнении относительно этнической эволюции хуэйцзу в связи с проникновением ислама в Китай. Не случайно даже название “хуэйцзу” буквально переводится как “мусульманская национальность”. Китайские ученые предполагают, что понятие “хуэйхуэй” произошло от китайского названия Западного края, то есть Аравии, Персии и Средней Азии. В истории некоторых этносов известны случаи, когда какая-то часть населения оказывается сопряженной с определенной конфессией. Образующиеся в результате таких тесных связей компактные общности именуют этноконфессиональными группами. В качестве примеров этноконфессиональных групп можно назвать болгаров-магометан (помаков) в Болгарии, вальденсов в Италии, панджабцев-мусульман в Индии, арабов-нусайритов в Сирии, араканцев в Бирме, коптов в Египте и др. Со временем отдельные этноконфессиональные группы деконфессионализируются, а другие, наоборот, превращаются в отдельные этносы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прозаический фольклор хуэйцзу Центральной Азии в своей основе остается частью словесной художественной традиции хуэйского народа. Общая внутренняя целостность, т.е. устойчивость, стабильность и наглядность, основных дифференцирующих этнических признаков народа считается неизменной на протяжении достаточно долгого исторического периода времени. По своей сути она представляет собой духовный код самого народа, который в необходимый момент всегда будет преобладающим, если речь заходит о постоянной национальной индивидуальности.

Прозаический фольклор хуэйцзу Центральной Азии как составная часть общего словесного творчества народа сложился в процессе тесного взаимодействия фольклора народов, сыгравших определенную роль в формировании хуэйского этнического самосознания под главенствующим влиянием исламской религии. Фольклор хуэйцзу оригинален и самобытен во многих отношениях. Вместе с этим в нем обнаруживается влияние арабского, персидского, тюркского, монгольского, китайского фольклора.

В содержании прозаического фольклора хуэйцзу Центральной Азии много общего с сопредельными фольклорными традициями народов Северо-Западного Китая, что обусловлено сходством исторических, социально-экономических и культурных факторов проживания в одном регионе на протяжении ряда веков. Все это позволяет определить фольклор хуэйцзу как часть фольклорного фонда народов Северо-Западного Китая, которая при наличии региональных общих черт получила свое специфическое национальное оформление.

Прозаический фольклор хуэйцзу в процессе развития в Центральной Азии претерпел ощутимые изменения. Новые условия жизни в атмосфере тесного трудового контакта при постоянном культурном обмене с близкими по вере соседями – казахами, кыргызами, узбеками и др. – оказали значительное воздействие на его дальнейшее развитие, отразившееся в сюжетном репертуаре, трактовке отдельных образов, социальной остроте изображения действительности, использовании изобразительных выразительных средств и т.д.

В результате прозаический фольклор хуэйцзу Центральной Азии приобрел новые черты, продолжая оставаться ингредиентом общего поэтического творчества народа. По существу, мы уже имеем дело с фольклором отдельной этнической группы хуэйцзу, имеющей свою локальную территорию проживания, особенности социальной психологии, некоторое своеобразие материальной культуры. Следовательно, можно считать прозаический фольклор хуэйцзу Центральной Азии отдельной ветвью единого ствола словесного народного творчества хуэйцзу КНР, Индонезии, Малайзии, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Узбекистан и др., которая как частное в общем позволяет глубже понять национальный фольклор.

Проведенный анализ прозаического фольклора хуэйцзу Центральной Азии как целостной, внутренне связанной и исторически сложившейся системы позволил определить в его составе множество жанровых групп, само-

стоятельных жанров, сюжетно-тематических разрядов и т.д. Естественным образом возникшая взаимосвязь жанров фольклора отнюдь не исключает своеобразия каждого конкретного исторического жанра. Только принцип соединения и разграничения отдельных жанров позволяет правильно понять природу прозаического фольклора.

В прозаическом фольклоре хуэйцзу Центральной Азии выделяются два самостоятельных жанровых рода, которые отличаются по своему отношению к действительности, так как представляют собой два типа художественного творчества с противоположными доминирующими общественными функциями. Каждая сторона этой бинарной структурной системы обладает своими формой исполнения, бытовым назначением и системой жанров. В одной элементарной части доминантным определителем выступает эстетическая, в другой – информативная функция.

В повествовательно-эстетический жанровый род входят волшебные сказки, бытовые сказки, сказки о животных, народные анекдоты – “сяо”, которые считаются собственно повествованиями с “установкой на вымысел” и ориентируются на то, что было или не было, с доминирующей эстетической функцией. Этой группе сюжетов свойственно не столько достоверное, сколько эстетическое изображение реальной действительности. В данном случае даже существующие достоверные факты призваны только помогать эстетическому восприятию.

К информационно-мнемоническому жанровому роду относятся мифы, предания, легенды, сказания, побывальщины, которые представляют художественно обработанный, эмоционально-приподнятый, но обобщенный факт действительности с “установкой на достоверность”. Здесь каждая история даже при наличии вымысла воспринимается как эпическая мнемоническая реальность, потому что вымысел в данном случае имеет не эстетический, а бессознательно-коллективный характер. В этих текстах независимо от видового (дидактического, патриотического, морализующего, сатирического, одического и т.д.) сообщения приоритетна общая доминантная функция мнемонического значения с претензией на достоверность информации.

В каждом независимом жанре прозаического фольклора хуэйцзу Центральной Азии отчетливо обнаруживаются очередные локальные структурные звенья в виде многочисленных сюжетно-тематических разрядов. В свою очередь, некоторые разряды могут соединять в автономном порядке существующие мотивационные подразряды, которые в результате объединяют зафиксированные в рабочей таблице сюжеты.

Разграничения между жанровыми родами, отдельными жанрами и сюжетно-тематическими разрядами и т.д. в прозаическом фольклоре хуэйцзу Центральной Азии не всегда четки, конкретны и убедительны. Это обусловлено сложным процессом взаимодействия, взаимовлияния и взаимоперехода сюжетов внутри вообще фольклора со времени архаического синкретического полифункционального состояния. В процессе развития, развертывания и дифференциации форм духовной культуры в фольклоре происходило дальнейшее переплетение многочисленных функций (дидактическая, познава-

тельная, коммуникативная, информационная, магическая и т.д.), которое до невероятности усложнило классификационное построение.

Наши выводы относительно содержания и структуры прозаического фольклора хуэйцзу Центральной Азии могут послужить основой изучения многочисленных проблем этого вида поэтического народного творчества. Конкретное понимание общей природы исследуемого прозаического фольклора позволит приступить к решению важнейших частных проблем историко-типологического изучения жанровых родов, отдельных жанров, их сюжетов и мотивов, специфики отражения в них исторической действительности, народного мировоззрения и социальной психологии в их историческом развитии и т.д.

Исследование фольклора хуэйцзу Центральной Азии как элемента общего национального словесного наследия имеет большое научное значение. Определение как общего, так и самобытного в фольклоре хуэйцзу, живущих в КНР, Индонезии, Малайзии, Республике Казахстан, Кыргызской Республике, Республике Узбекистан и других странах, поможет глубже понять национальный фольклор в целом и выявить специфику локальных фольклорных вариаций каждой отдельной этнической группы.

Результаты исследования важны и для общей фольклористики хуэйцзу названных выше стран, ибо они могут содействовать унифицированной научной систематизации материалов в фольклорных архивах, выработке единых принципов классификации устно-поэтических произведений при составлении сводов народного творчества, учебниках, учебных пособиях и др.

Прозаический фольклор хуэйцзу, благодаря своему развитию в течение последних полутора веков на территории Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Республики Узбекистан, считается также составной частью фольклорного фонда народов Центральной Азии. Поэтому его изучение имеет неопределимое значение для общего фольклорного фонда центральноазиатского региона. Результаты исследования восполняют существующие пробелы, помогут при составлении общих представлений о региональном фольклоре и создании фольклорных атласов, энциклопедии и учебников по изучению общей культуры народов Центральной Азии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- 1 Вирсалидзе Е.Б. Грузинский охотничий миф и поэзия. – М.: Наука, 1976. – 360 с.
- 2 Хасанов М.А. Дунганские народные сказки: Автореф. дис. канд. филол. наук: 10.01.09. – Фрунзе, 1969. – 19 с.
- 3 Хахаза Д.М. Традиционные дунганские народные песни: Автореф. дис. канд. филол. наук: 10.01.09. – Фрунзе, 1992. – 25 с.
- 4 Машинхаева Ф.Н. Своеобразие дунганских сказок о животных: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.09. – Бишкек, 1996. – 24 с.
- 5 Дунганские народные сказки и предания. / Сост. М.А. Хасанов и И.И. Юсупов. – М.: Наука, 1977. – 573 с.
- 6 Ли Шуцзянь. Хуэйцзу минцзянь вэньсюэ шыгон (Обзор народной литературы хуэйцзу). – Иньчуань, 1989. – 374 с. (на кит. яз.).
- 7 Каскабасов С.А. Казахская несказочная проза. – Алма-Ата: Наука, 1990. – 240 с.
- 8 Каскабасов С.А. Колыбель искусства. – Алма-Ата: Онер, 1992. – 368 с.
- 9 Турсунов Е.Д. Генезис казахской бытовой сказки. В аспекте связи с первобытным фольклором. – Алма-Ата: Наука, 1973. – 216 с.
- 10 Нэнэди гўжер (Бабушкины сказки) / Сост. Ф.Н. Машинхаевой. – Бишкек, 2005. – 221 с. (на дунг. яз.).
- 11 Юань Кэ. Мифы древнего Китая. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Наука, 1987. – 527 с.
- 12 Жун-ян минжын гўжир (Дунганские народные сказки) / Сост. и обр. Х. Юсурова. – Фрунзе: Киргизгосиздат. – 1959. – 72 с. (на дунг. яз.).
- 13 Хуэйзў гужир (Дунганские сказки) / Сост. Х. Юсурова. – Фрунзе: Киргизучпедгиз, 1960. – 188 с. (на дунг. яз.).
- 14 Хуэйзў минжынди гужир (Дунганские народные сказки) / Сост. и коммент. М. Хасанова. – Фрунзе: Илим, 1976. – 158 с. (на дунг. яз.).
- 15 Ганьсу миныйцзянь гуши сюань (Избранные народные сказки провинции Ганьсу). – Ланьчжоу: Жэньминь чубаньшэ, 1962. – С. 190 – 195 (сказки хуэйцзу; на кит. яз.).
- 16 Юньнань гэцзу миныйцзянь гуши сюань (Избранные сказки разных народов провинции Юньнань). – Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1962. – С. 304 – 332 (сказки хуэйцзу; на кит. яз.).
- 17 Цинхай хуэйцзу миныйцзянь гуши (Древние народные истории хуэйцзу Цинхая). – Цинхай: Цинхай жэньминь чубаньшэ, 1985. – 244 с. (на кит. яз.).
- 18 Хуэйцзу лиши жэньву гуши цуншу (Сборник исторических преданий хуэйцзу). – Иньчуань: Жэньминь чубаньшэ, 1985. – 112 с. (на кит. яз.).
- 19 Хуэйцзу минцзянь гуши цзи (Сборник народных сказок хуэйцзу). – Нинься: Жэньминь чубаньшэ, 1988. – 582 с. (на кит. яз.).
- 20 Беннигсен А.Н. Легенды и сказки Центральной Азии. – СПб., 1912. – С. 5; 7–8 (легенды хуэйцзу).
- 21 Дунганские сказки / Сост. Х. Юсурова и В. Шахматова. – Алма-Ата, 1946. – 148 с.

22 Дунганские сказки / Пер. М. Ватагина. – Фрунзе: Мектеп, 1970. – 259 с.

23 Казахские сказки о животных (Легенды, предания, бытовые рассказы и басни) / Сост. С.А. Каскабасова, Е.А. Костюхина, Н.С. Смирновой, Е.Д. Турсунова. – Алма-Ата: Наука, 1979. – 356 с.

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Монография

1 Прозаический фольклор хуэйцзу Центральной Азии. – Бишкек: Илим, 2004. – 279 с.

Учебники и учебные пособия

2 Фуму вынщүэ (Родная литература): Учебник для 4 = класса. Фрунзе: Мектеп, 1990. – 152 с. (на дунг. яз.).

3 Хуэйзү йүян зэмусы вынщүэди жихуа: I хо – XI хо (Программа по изучению дунганского языка и литературы: Для 1 – 11 = классов). – Фрунзе: Мектеп, 1992. – 31 с. (в соавт. с М.Х. Имазовым; на дунг. яз.).

4 Замуди вынщүэ (Наша литература): Учебник для 7 = класса. – Бишкек: Мектеп, 2007. – 172 с. (на дунг. яз.).

5 Фуму йүян (Родная речь): Учебник для 2 – 3 = класса. – Бишкек: Мектеп, 2007. – 112 с. (в соавт. с А.А. Джоном; на дунг. яз.).

Статьи

6 Фольклорные версии происхождения хуэйцзу (дунган) // Материалы V Всесоюзной школы молодых востоковедов. – Т. 1: История. Литературоведение. – М.: Изд-во АН СССР, 1989. – С. 187–189.

7 Чжун-Я хуэйцзу ими цзегоу (Структура загадки хуэйцзу Центральной Азии) // Сибэй хуэйцзу яньцзю. – Ланьчжоу, 1994. – №2. – С. 168–181 (на кит. яз.).

8 Чжирчжисытан хуэйцзу миньцзянь чуанзоди тэбэй (Особенности фольклора хуэйцзу Кыргызстана) // Материалы научной конференции “История и культура хуэйцзу”. – Иньчуань, 1998. – С. 264–267 (на кит. яз.).

9 Об этногенезе хуэйцзу (дунган): По материалам фольклора // Проблемы дунгановедения: Сб. науч. статей. – Бишкек: Илим, 1998. – С. 36–42.

10 О прародителях человечества Адаме и Еве в легендах хуэйцзу (дунган) Центральной Азии // Проблемы дунгановедения: Сб. науч. статей. – Бишкек: Илим, 1998. – С. 42–46.

11 Исторические предания хуэйцзу (дунган) об известном мореплавателе XV в. Чжэн Хэ // Проблемы дунгановедения: Сб. науч. статей. – Бишкек: Илим, 1998. – С. 46–50.

12 О генезисе образа Тузы (Плешивого) в прозаическом фольклоре хуэйцзу (дунган) // Проблемы дунгановедения: Сб. науч. статей. – Бишкек: Илим, 1998. – С. 50–54.

13 Легенды о святых (аулия) в фольклоре хуэйцзу (дунган) Центральной Азии // Проблемы дунгановедения: Сб. науч. статей. – Бишкек: Илим, 1998. – С. 54–63.

14 Сюжетно-тематический разряд о чудесных женах в волшебной сказке хуэйцзу (структурное изучение) // Дунгановедение в Кыргызстане: Сб. науч. статей. – Бишкек: Илим, 2000. – С. 78–87.

15 Бытовые сказки хуэйцзу. О почительности и непочтительности к родителям и старшим // Дунгановедение в Кыргызстане: Сб. науч. статей. – Бишкек: Илим, 2000. – С. 87–92.

16 Образ “глупого зятя” в анекдотах хуэйцзу // Дунгановедение в Кыргызстане: Сб. науч. статей. – Бишкек: Илим, 2000. – С. 92–96.

17 К вопросу о структуре цэхуар хуэйцзу Центральной Азии // Дунгановедение в Кыргызстане: Сб. науч. статей. – Бишкек: Илим, 2000. – С. 96–103.

18 Предания хуэйцзу о народных героях: Ду Вэньсю // Ясыр Шиваза – основоположник дунганской литературы: Сб. науч. статей. – Бишкек: Илим, 2001. – С. 19–25.

19 Предания хуэйцзу об исторических событиях второй половины XIX века // Ясыр Шиваза – основоположник дунганской литературы: Сб. науч. статей. – Бишкек: Илим, 2001. – С. 25–33.

20 Легенды о коранических святых в фольклоре хуэйцзу Центральной Азии // Ясыр Шиваза – основоположник дунганской литературы: Сб. науч. статей. – Бишкек: Илим, 2001. – С. 33–41.

21 Фуму вынцуэ (Родная литература): Вопросы, задачи // Актуальные проблемы развития дунганского языка и литературы: Материалы междуна-родн. научн.-практ. конференции по изучению проблемы преподавания дунганского языка и литературы – Алматы: Эверо, 2001. – С. 39–45.

22 Легенды хуэйцзу Центральной Азии (всемирный потоп) // Диалог ученых на Великом Шелковом пути: Сб. науч. статей. – Вып. 1. – Бишкек: Илим, 2002. – С. 126–132.

23 Бытовые сказки о мудрости, сметливости, находчивости в фольклоре хуэйцзу Центральной Азии // Диалог ученых на Великом Шелковом пути: Сб. науч. статей. – Вып. 1. – Бишкек: Илим, 2002. – С. 132–143 (в соавт. с Ф.Ш. Асанакуновой).

24 Этиологические предания хуэйцзу. Сюжет “Почему у ласточки хвост раздвоен” // Диалог ученых на Великом Шелковом пути: Сб. науч. статей. – Вып. 1. – Бишкек: Илим, 2002. – С. 143–149.

25 Сказки о животных у хуэйцзу Центральной Азии // Вопросы востоковедения и востоковедного образования: Сб. науч. статей. / Бишкекск. гуманитар. ун-т. – Вып. 2. – Бишкек, 2003. – С. 160–168.

26 К изучению прозаического фольклора хуэйцзу. Героические сказки о поиске счастья // Диалог ученых на Великом Шелковом пути: Сб. науч. статей. – Вып. 2. – Бишкек: Илим, 2003. – С. 76–84.

27 Волшебные сказки хуэйцзу Центральной Азии. Сюжеты о сношениях с духами // Диалог ученых на Великом Шелковом пути: Сб. науч. статей. – Вып. 2. – Бишкек: Илим, 2003. – С. 84–91.

28 Сказки хуэйцзу о животных // Диалог ученых на Великом Шелковом пути: Сб. науч. статей. – Вып. 2. – Бишкек: Илим, 2003. – С. 91–99.

29 Традиционные анекдоты “сяо” в фольклоре хуэйцзу // Диалог ученых на Великом Шелковом пути: Сб. науч. статей. – Вып. 3. – Бишкек: Илим, 2004. – С. 117–128.

30 Морфология волшебной сказки хуэйцзу. Героические сказки “змееборческого” типа // Диалог ученых на Великом Шелковом пути: Сб. науч. статей. – Вып. 3. – Бишкек: Илим, 2004. – С. 128–139.

31 Святые (аулийа) в фольклоре хуэйцзу Центральной Азии // Известия НАН КР. – 2004. – №4. – С. 29–34.

32 Исторические события второй половины XIX в. в преданиях хуэйцзу Центральной Азии // Вестник КРСУ. – 2004. – №4. – С. 36–39.

33 Сказки о “семейно-гонимых” в фольклоре хуэйцзу Центральной Азии. Структурное изучение // Современность: философские и правовые проблемы: Сб. науч. статей. – Бишкек, 2004. – С. 328–336.

34 Волшебные сказки повествовательно-эстетического фольклора // Современность: философские и правовые проблемы: Сб. науч. статей. – Бишкек, 2004. – С. 336–343.

35 Чжун-Я хуэйцзу миңьцзянь чуанзоди тицэй вэньти (Вопросы структуры фольклора хуэйцзу Центральной Азии) // Синьцзянь дасюэ сюэбо. – Урумчи. – 2005. – №33. – С. 142–143 (на кит. яз.).

36 Фольклор // Дунганская энциклопедия. – Бишкек: Илим, 2005. – С. 128–159.

37 Материалы фольклора о происхождении хуэйцзу // Известия НАН КР. – 2005. – №4. – С. 116–120.

38 Сказки хуэйцзу о “чудесных женах” с точки зрения структурного изучения // Вестник КРСУ. – 2005. – № 2 (5) – С. 97–73.

39 Бытовые сказки хуэйцзу о мудрости, сметливости и находчивости // Вестник КРСУ. – 2005. – №7 (5). – С. 55–61.

40 Народные анекдоты хуэйцзу: содержание, генезис и эстетика // Вестник БГУ. – 2006. – №1 (5). – С. 86–90.

41 Героические сказки хуэйцзу “змееборческого” типа с точки зрения структурного анализа. – Вестник БГУ. – 2006. – №1 (5). – С. 90–95.

42 Жун-Я хуэйцзу кучуан вэнсюэ чжунди шэньшэнь (Святые в народной литературе хуэйцзу) // Синьцзянь дасюэ сюэбо. – Урумчи, 2006. – №34. – С. 225–226 (на кит. яз.).

43 Героические сказки типа “поиск счастья” у хуэйцзу с точки зрения структурного строения // Вестник КНУ им. Ж. Баласагына. – 2007. – Сер. 1 – Вып. 5. – С. 27–31.

44 Сказки о животных в фольклоре хуэйцзу Центральной Азии // Вестник КНУ им. Ж. Баласагына. – 2007. – Сер.1 – Вып. 5. – С. 31–35.

45 Накопление материала для научной разработки прозаического фольклора хуэйцзу Центральной Азии // Диалог ученых на Великом Шелковом пути: Сб. науч. ст. – Вып. 5. – Бишкек: Илим, 2008. – С. 66–73.

46 Устная народная традиция хуэйцзу Центральная Азия // Диалог ученых на Великом Шелковом пути: Сб. науч. ст. – Вып. 5. – Бишкек: Илим, 2008. – С. 73–83.

47 Легенды (“шэньюй”) хуэйцзу Центральной Азии // Вестник Каз. нац. ун-та им. Аль-Фараби. Сер. филол. – Алматы, 2008. – №5 (113). – С. 36–39.

48 Бытовые сказки хуэйцзу о жэнь, и, ли, чжи, синь, сяо // Кыргыз тили жана адабияты. – Бишкек, 2009. – №15. – С. 142–146.

49 Мифологические предания хуэйцзу Центральной Азии // Вестник Каз. нац. ун-та им. Аль-Фараби. Сер. филол. – Алматы, 2009. – №7–8 (123–124). – С. 203-205.

Шисыр Исхар Сувазович

Орталық Азия хуэйцзу прозалық фольклоры

10.01.09 – Фольклористика мамандығы бойынша филология ғылымдарының докторы ғылыми дәрежесін алу үшін дайындалған диссертация авторефератының түйіні

Хуэйцзулар ХІХ ғасырдың соңынан бастап Орталық Азияны мекендейді. Олар мұнда 1877-1883 жж. Солтүстік-Батыс Қытай халқының Цинге қарсы көтерілісі жеңіліс тапқаннан кейін қоныс тепкен. Цин әскерінің қазақ, қырғыз, салар, ұйғыр, хуэйцзу және басқа мұсылман елдері көтерілісін басып тастауы нәтижесінде көтерілісшілер көршілес жатқан мемлекеттерден саяси баспана сұрауға мәжбүр болды. 1877 жылғы қыстың аязды күндерінде хуэйцзу Ресей империясы жағына өтті.

Хуэйцзу халқы жаңа отанына дәстүрлі рухани мәдениетін, төл философиясын, саяси бағдарын, адамгершілік нормалары мен эстетикалық принциптерін көрсететін фольклорын да өзімен бірге ала келді. Хуэйцзу фольклоры қай кезде болмасын халықтың ғасырдан ғасырға беріліп келе жатқан жазба байлықтары ретінде саналған. Осы бір құпияға толы сарқылмас бұлақ өз бойында этностың ұжымдық естелігін сақтап келеді.

Зерттеудің өзектілігі. Өмірдің жаңа беттері, қазақ, қырғыз, өзбек, ұйғыр және басқа да халықтармен тығыз шаруашылық қатынасы мен тұрақты мәдени байланыстары хуэйцзу мәдениетін тақырыптық-идеялық, көркемдік-образдық тұрғыда өзіндік жаңалықтары бар шығармалармен, сондай-ақ шынайы өмірді бейнелеудің тың психологиялық тәсілдерімен байыта түсіп, ары қарай дамуына ықпалы етті.

Бүгінде Орталық Азия хуэйцзу мәдениеті дәстүрлі үлгілердің болуына қарамастан, аздап өзгерген күйінде сақталып келеді. Орталық Азия хуэйцзу фольклорын зерттей келе, оның тарихи жағдайларға байланысты өз алдына даму мүмкіндігіне ие болғандығын аңғарамыз. Хуэйцзу жалпы халықтық ауызекі мәдениеттің құрамдас бөлігі болып табылатындықтан, этникалық топтың шығармашылығы ретінде танылады.

Зерттеу нысанының зерттелу деңгейі. Осы уақытқа дейін Орталық Азия хуэйцзу фольклоры ғылыми зерттеу объектісі болмаған. Фольклор зерттеушілері, негізінен материалдарды жинаумен, өңдеумен және жариялаумен ғана шектеліп келген. Өзекті ғылыми мәселелерді көтеретін диссертациялық зерттеулер түріндегі жеке ғылыми ізденістер барысында жалпы халықтық шығармашылықтың поэтикалық ерекшеліктері мәселелері қарастырмаған.

Зерттеу жұмысының мақсаты. Диссертациялық зерттеу Қазақстан, Қырғызстан мен Өзбекстан хуэйцзу прозалық фольклорын тарихи қалыптасқан көркемдік жүйе ретінде нақтылауды мақсат еткен. Осы орайда оның құрамына кіретін түрлі шығармалардың өзара күрделі байланыстары, өзара әсерлесуі мен өзара байыту жағдайлары қарастырылған. Әр шығарма тақырыпты ашуда өз мақсатын көздесе де, жеке сюжеттердің көркемдік

қызметі, олардағы ортақ шындықты жан-жақты суреттеу тұрғысында өзара байланысты болып келеді.

Бірыңғай жүйе мазмұнын дұрыс түсіну прозалық фольклор құрамындағы әрбір жеке жанр ерекшеліктерінің құрылымын нақты анықтауды талап етеді. Жанрлардың өзін анықтап алмайынша, жанр ішіндегі бөлімді, бөлім ішіндегі топтарды және басқа прозалық фольклордағы шектелу, мағыналасстық пен өзара байланыстылық сияқты күрделі процесті түсіну мүмкін емес. Прозалық фольклор табиғатын осылайша түсіну еріксіз оның топтастырылуы мәселесіне әкеліп тірейді.

Зерттеу нысаны ретінде материалдың көлемі жағынан көп салалы болып саналатын, фольклоршылардың аз зерттеген түрі Орталық Азия хуэйцзу прозалық фольклор шығармалары қарастырылған. Жазылып алынған, жүйеге келтірілген және жарияланған материалдардың жартысынан көбі ұлттық фольклордың осы бір түрінің мәтіндерінен тұратыны кездейсоқ емес.

Зерттеу тақырыбы – Қазақстан Республикасы, Қырғыз Республикасы мен Өзбекстан Республикасы дүнгендері және жартылай ҚХР Солтүстік-Батыс хуэйцзу прозалық фольклорлық шығармаларының мазмұны мен құрылымына талдау жасау болып табылады.

Диссертациялық жұмыстың әдістемелік негізін тарихи поэтика бойынша А.А.Аарне, Н.П.Андреев, М.О.Әуезов, Ст.Томпсон, В.Эберхард, Хироко Икеда, В.Я.Пропп, Н.И.Кравцов, В.П.Аникин, С.Г.Лазутин, К.В.Чистов, Д.С.Лихачев, С.А.Қасқабасов, Е.Д.Тұрсынов, Л.Г.Барага, Б.Л.Рифтин, Г.У.Эргис, К.М.Максетова, М.М.Алиева, Г.А.Джалалов, Ли Шүцзянның теориялық еңбектері құрайды.

Диссертациялық жұмыстың әдістері оның мақсаттары мен міндеттеріне негізделеді. Ең алдымен зерттеудің дереккөзі ретінде тақырыптық жинақтар, периодикалық басылымдар, Манастану көркем мәдениет Орталығының, Қырғыз Республикасы ҰҒА дүнгентану мен қытай Орталығының қолжазба қоры материалдары, сонымен қатар, автордың Қазақстан, Қырғызстан, Өзбекстан Республикаларында және ҚХР Синьцзян-Ұйғыр автономиялық ауданына барғанда жазып алған қолжазбалары салыстырмалы-тарихи әдіспен қарастырылған. Жұмыста көркемдіктен тыс, қоғамдық-тарихи болмыс және фольклор туындылары қарым-қатынастарын зерттеуге негізделген социо-генетикалық әдіс қолданылды.

Жұмыстың ғылыми жаңалығы. Диссертацияда алғаш рет Қазақстан, Қырғызстан мен Өзбекстан хуэйцзу прозалық фольклорының сюжеттері әлемдік фольклористиканың жетекші мамандарының тәжірибелері ескеріле отырып, жүйелілік аясында талданады. Орталық Азия хуэйцзу фольклористикасында аталған мәселе бойынша осы кезге дейін арнайы еңбектер жазылмаған. Диссертацияда Орталық Азия хуэйцзу прозалық фольклорының мазмұны ашылған, құрылымдық ерекшеліктері зерттелген, тақырыптық жанрлар анықталған, ұлттық мәдениет үшін позитивті мәні белгіленіп, келешекте ары қарай зерттелетін жеке фольклористика мәселелерін зерттеудің негізі қаланған.

Қорғауға ұсынылатын ой-тұжырымдар:

- Алғаш рет Орталық Азия фольклористикасында саны аз халықтың бірі хуэйцзу прозалық фольклорына терең зерттеу жүргізіліп отыр. Осыдан кейін

қол жеткізген нәтижелер Орталық Азия хуэйцзу фольклорлық ғылымының ары қарай дамуына ықпалын тигізетін болады;

- Хуэйцзуды өз алдына этнос ретінде қабылдау мен қиыр шығыстық фольклор қорының қалыптасу консолидациясына қатысуы арқылы көптеген халықтардың фольклорлық мұраларының трансформациясы үдерісінде пайда болған Қазақстан, Қырғызстан және Өзбекстан хуэйцзу прозалық фольклоры өзіндік ерекшеліктерімен айшықталады.

- Орталық Азия хуэйцзу прозалық фольклоры ертеректе Қытайда қалыптасқан дәстүрлі формаларына қарамастан, Орталық Азия аймағында ұзақ жылдар бойы дамуы нәтижесінде өз алдына жеке дара шығармашылыққа айналды. Қазақстан, Қырғызстан және Өзбекстан хуэйцзу фольклоры – тарихи жағдайларға байланысты өз бетімен дамыған этникалық топтың шығармашылығы бола отырып, жалпы халықтық ауызекі шығармашылықтың құрамдас бөлігі де болып табылады.

Жұмыстың теориялық маңыздылығы. Автордың жасаған қорытындыларының фольклортану ғылымына берер пайдасы мол. Қол жеткізген нәтижелер болашақта Орталық Азия аймағы халықтарының ортақ мәдениетін зерттеу туралы энциклопедиялар мен оқулықтарға, фольклорлық атлас жасауда пайдалы. Осы мақсатта Орталық Азия халықтарының фольклоры туралы толық мағлұматтар алудың нақты мүмкіндігі туып отыр.

Жұмыстың практикалық маңыздылығы. Зерттеу барысында қол жеткізілген нәтижелердің ҚХР, Индонезия, Малайзия, Қазақстан Республикасы, Қырғызстан Республикасы, Өзбекстан Республикасы хуэйцзу жалпы фольклористикасы үшін маңызы зор. Олар фольклорлық мұрағат материалдарын ғылыми жүйелендіру мен үйлестіруге көмектеседі және ауызекі шығармаларды топтастырудың бірыңғай принциптерін өндеуге үлес қосады.

Жұмыстың талқылануы. Зерттеу жұмысының негізгі мазмұны екі монографияда, түрлі арнайы ғылыми журналдар мен жинақтардағы қырық үш мақалада, үш оқу құралында, энциклопедияларда, сондай-ақ халықаралық ғылыми конференция баяндамаларында жарық көрген.

Жұмыстың құрылымы. Диссертациялық жұмыс кіріспеден, екі тараудан, қорытындыдан және пайдаланылған әдебиеттер тізімінен тұрады.

Summary
of the thesis synopsis for the degree of Ph. D. in Philology
in major 10.01.09 – Folkloristics.

Iskhar Suvazovich Shisyur.

Prosaic folklore of the Central Asian Huaitzu people

The Huaitzu people (such is self-designation of the Dungan people) has been residing in Central Asia since the end of XIX century, whereto they emigrated after loss of anti-Qin rebellion of the Northern-West China population in 1877-1883. As a result of suppression of well-known Muslim rebellion of the Kazakh, Kyrgyz, Salar, Uigur, Huaitzu, and other peoples by the Qin army, rebels have been forced to ask for political asylum a neighboring state. The Huaitzu people passed boards of the Russian empire in cold winter days of 1877.

The Huaitzu people has brought to new motherland traditional spiritual culture, and, of course, their folklore reflecting their philosophy, political strivings, moral norms, and aesthetical principles. Over the course of centuries folklore has been considered to be a national annalistic treasury, whereof the Huaitzu people have been drawing strength at all times. This ever-living source has been keeping encoded collective memory of the ethnos.

Urgency of the thesis subject. New life conditions, close labor contact, and permanent cultural exchange with the Kazakh, Kyrgyz, Uzbek, Uigur, and other peoples have made noticeable impact on further development of Huaitzu folklore enriching it with new interesting works, subjects, ideas, images, figures of speech, and psychological methods of representing the reality.

Today folklore of the Central Asian Huaitzu people, notwithstanding existence of traditional forms, appears in some modified kind. Actually, investigating folklore of the Central Asian Huaitzu people we deal with creative work of ethnic group that, by virtue of historical circumstances, has got independent development, although, inherently it has been staying on a component part of verbal folk art of the Huaitzu people.

Development level of the issue. Folklore of the Central Asian Huaitzu people in actual fact has not been a matter for scientific inquiry until recently. Folklore specialists generally confined themselves to collection, working out, and publication of the materials. Several existing scientific investigations in the shape of thesis researches representing scientific interest did not set a mission to lighten general feature of poetic folk art.

Prosaic folklore works of the Central Asian Huaitzu people poorly explored by folklore specialists and considered to be most numerous in volume of material are **the object of study**. Not at random two thirds of fixed, systematized, and published materials represent texts of this type of national folklore.

Analysis of content and structure of prosaic folklore works of the Dungan people of the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, the Republic of Uzbekistan,

and partially the Huaitzu people of the Northern-West P.R.C. has become **the subject matter**.

Different issue-related collections, periodic publications, and materials of manuscript fund of the Center for Manas Studies and Artistic Culture, the Center for Dungan Studies and Sinology of National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, as well as field files of the author carried out in the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, the Republic of Uzbekistan, and the Xinjiang Uygur Autonomous Region of the P.R.C. have served as **the source for investigation**.

The research objective and tasks. It is supposed in the thesis investigation to concretize the content of prosaic folklore of the Huaitzu people of Kazakhstan and Uzbekistan as historically developed artistic system, wherein different works are in complex interaction, mutual influence, and cross-fertilization. This connection is specified by system of mansided reproduction of reality, unified for them in such a way that each work has its own task in visual display of an object.

Right comprehension of unified content system requires determination of definite structure with specificity of each distinct genre as a part of prosaic folklore. It is impossible to picture a complex process of delimitation, rapprochement, and interaction in prosaic folklore without determination of genres, intra-genre links, intra-link groups, etc. Such comprehension of prosaic folklore unwittingly leads to issue of classification.

Scientific novelty of results. In the thesis plots of prosaic folklore of the Huaitzu people of Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Uzbekistan for the first time are analyzed taking into account experience of leading specialists of world folkloristics. Folkloristics of the Central Asian Huaitzu people has not had any works intentionally devoted to this issue up to the present moment. Content of prosaic folklore of the Central Asian Huaitzu people has been revealed, structural specificities have been explored, existing issue-related genres have been determined, positive meanings for national culture have been specified, and fundamentals for further exploration of subsequent distinct folkloristic issues have been laid down in the theses.

Practical significancy of the work. Results obtained in the process of our investigation are important for general folkloristics of the Huaitzu people of the P.R.C., Indonesia, Malaysia, the Republic of Kazakhstan, the Kyrgyz Republic, and the Republic of Uzbekistan. They assist in standardization and scientific systematization of folklore archive materials and help in performance of unified oral work classification principles. It is necessary to offer readers, in the cope of national creativity, spiritual heritage of a people in scientific shape.

Withdrawals made by the author are also useful for general folkloristics of Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Uzbekistan. Achieved results will serve in future in composing of folklore atlas, an encyclopedia, and schoolbooks on learning general history of peoples of the Central Asian region. In this case, real possibility to obtain the most complete idea about folklore of Central Asian peoples is provided.

Main provision of the thesis proposed to defence are added up to the following.

For the first time fundamental exploration of prosaic folklore of numerically insignificant Huaitzu people is carried out in the Central Asian folkloristics. In conse-

quence, obtained results will work towards further development of folklore science of the Central Asian Huaitzu people.

Prosaic folklore of the Huaitzu people of Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Uzbekistan does not possess sufficiently expressed distinctiveness that is stipulated by its origination in the process of transformation of folklore heritage of a number of peoples, who have taken part in consolidation of the Huaitzu people as an independent ethnos, as well as by formation in folklore fund of the Far-East.

Prosaic folklore of the Huaitzu people of Central Asia, despite existence of traditional forms obtained as early as in China, as a result of long development in Central Asian region has been formed into independent creativity. Folklore of the Huaitzu people of Kazakhstan, Kyrgyzstan, and Uzbekistan is creation work of ethnic group that, by virtue of historical circumstances, has got independent development, but has been staying on a component part of verbal national creative work, etc.

Approval of the thesis results. Main provisions of the investigation have been in the picture in two monographs, forty three articles in different specialized scientific magazines and collections, three work-books, an encyclopedia, as well as in discourses, communications, and discussions at international scientific conferences.

Structure of the thesis. The reviewed thesis consists of introduction, three chapters, conclusion, and bibliography that includes 400 titles, among them 38 are in foreign languages. Volume of the work is 296 pages.

ШИСЫР ИСХАР СУВАЗОВИЧ

Прозаический фольклор хуэйцзу Центральной Азии

10.01.09 – Фольклористика

АВТОРЕФЕРАТ

*диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук*

*15.10.2010 г. Шығаруға қол қойылды.
Көлемі 60x84/16. Қағазы «Снегурочка».
«RISO» басылымы. «Colorit» мұқабасы.
Ш.б.т. 2,6. Тираж 130 экз.
Заказ № 95.*

*«Тарих тағылымы» баспасы
Байланыс тел.: +7(727)277 53 49
+7 702 575 95 16*